

ТАЙНА БЛАГОДАРЕНИЯ

Таинство Евхаристии становится центральной темой в современном экуменическом диалоге. И потому считаем целесообразным публикуемые в настоящем сборнике «Богословских трудов» статьи о Евхаристии (сс. 5—119) снабдить святоотеческим комментарием, который выразил бы православную точку зрения отцов Церкви на эту тему.

Один из святогорцев — иеромонах Григорий, насельник монастыря Ставроникиты на Святой Горе Афон, проделал такую работу по творениям святителя Иоанна Златоуста — «евхаристического отца Православной Церкви и Богословия», как именует его автор. Эта работа была опубликована в Афинах в 1971 году содействием митрополита Халкидского Николая под названием «Литургия Божественной Евхаристии. Божественная Евхаристия по святому Иоанну Златоусту»*. Она стала одной из признанных книг на Святой Горе Афон, а также в среде благочестивых греков. На русский язык эту книгу перевел профессор Московской духовной академии Борис Александрович Нелюбов. Полагаем, что она составит необходимый компонент к осмыслению данной темы русскими читателями. Перевод книги публикуется в сокращении.

Вторую часть приводимых Евхаристических материалов составляют выдержки из творений святых отцов, сделанные студентами Московской духовной академии и монахами Тронце-Сергиевой Лавры (в скобках указываются источники, откуда взят материал, соответствующий порядковым номерам общего списка, на с. 155—156). В них откristаллизован литургический опыт святых отцов, жизненные образы которых способствуют более глубокому пониманию Таинства Евхаристии. Через прообразы Ветхого Завета, через Евангельские образы земной жизни и откровение Сына и Слова Божия, а также через примеры благодатного вхождения этих отцов в тайну Благодарения показан путь к священнодействию в Церкви Нового Завета.

Через Литургию все обновляется и объединяется. Новая земля и новое небо, которых мы чаем, по обетованию Божию, есть та реальность, которая переживается через Воскресшего Господа нашего Иисуса Христа. Святые отцы призывают всех к неизреченному веселию («воздержницы и ленивии, возрадуйтесь ныне») и этим свидетельствуют о мире и свободе, которые мы приобретаем в своих душах во Христе Воскресшем. Христос, однажды принеся Себя в жертву, через священнодействие в Церкви берет на Себя грехи многих (Евр. 9, 28). Евхаристическая Жертва изливает Пасхальную благодать, наполняющую светом и Небо, и землю, и пренсподнюю. Это та радостная весть, та радость, которую не может затмить ни одно испытание. Это свидетельство о «победе» Христовой через Евхаристию — Таинство Благодарения.

Редакция

* Ιερομονάχου Γρηγορίου. Η Λειτουργία τῆς Εὐχαριστίας τοῦ Θεοῦ. Η Θεία Εὐχαριστία κατὰ τὸν ἱερόν Χρυσόστομον. Ἐκδόσις ἱεράς μητροπόλεως Χαλκίδος. Ἀθῆναι, 1971, 142 σ.

ЛИТУРГИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ ЕВХАРИСТИИ

Состав Таинства

Прообразы Ветхого Завета. Все таинство Божественного Домостроительства, «временами вечными умолчанное», сосредотачивается в одном событии: «Богочеловек Иисус, выполняя Превечный Божественный Совет, воссоздает в Духе Святом падшего человека, возрождает его и снова возводит в рай. Это именуется святыми отцами восприятием, поскольку Христос осуществляет все это путем принятия в Себя падшей природы человека и преобразования ее в «новую тварь» — Царство Божие.

Таина общения Божия с людьми была совершена, когда пришло исполнение времен» (Еф. 1, 10) *, то есть когда люди стали способны воспринять это общение. Священная история показывает, что в любой ее период Бог общается с человеком именно в соответствии с его духовной силой и восприимчивостью.

Ветхозаветный период — время рабства, служения тлению, смерти, диаволу. Именно в это время Бог являл прообразы таинства Искупления. Бог говорил человеку через «закон» устами рабов Своих — пророков. Говорит, «предвозвещая нам будущее спасение» (анафора Василия Великого). С Воплощения Слова Божия начинается освобождение человека от греха и тления. Во Христе человек получает спасение: «Закон дан через Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа» (Ин. 1, 17). Сень закона прошла, когда явились Благодать и Истина. Иисус Христос всю ветхозаветную действительность, все прообразы возвышает, благословляет и исполняет в Себе.

Таинство Божественной Евхаристии предызображалось многими событиями в Ветхом Завете. Эти события истолковываются в свете Нового Завета отцами Церкви не только как сами по себе достойные упоминания, но и особенно потому, что они были провозвестниками Истины. Пришествие Христа было переходом от ветхого рабства к новой свободе. Его присутствие «всё творит новым» (Откр. 21, 5), и самс Его воплощение составляет «единственно новое под солнцем» (1, t. 94, col. 984 В).

Первым историческим событием, которое предызображает Божественную Евхаристию, было приношение хлеба и вина Мелхиседеком (Быт. 14, 18—20).

Апостол Павел в Послании к Евреям, объясняя это событие, говорит, что Христос — Архиперей «по чину Мелхиседекову» (Евр. 6, 20). «Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни» Мелхиседек — образ Сына Божия (Евр. 7, 3). Один из учителей Церкви — Климент Александрийский считает хлеба и вино, принесенные Аврааму Мелхиседеком, прообразом Иисуса, Евхаристического хлеба и вина: «Мелхиседек, царь Салимский, священник Бога Вышнего, дал освященную пищу — вино и хлеб — в образ Евхаристии» (2, с. 105). Святитель Киприан, епископ Карфагенский, также считает Мелхиседека образом Христа и его приноше-

* Тексты Священного Писания оставлены в той редакции, которую использовал в своей работе автор книги. — *Ред.*

ние — образом приношения Христа: «В священнике Мелхиседеке мы видим предызображаемое таинство Жертвы Господней» (1, t. 63, col. 4).

К этому присоединяется и святой Иоанн Златоуст, который пишет о Мелхиседеке: «Движимый пророческим духом, помыслив приносить будущее приношение за всех людей, он хлебом и вином почтил Бога, подражая грядущему Христу». Приношение хлеба и вина поэтому не случайно со стороны Мелхиседека. Это предвозвещало принесенную потом за весь мир Жертву Христову. Мелхиседек получил в таинстве благодать единственной жертвы «Агнца, закланного от сложения мира» (Откр. 13, 8). Во Святом Духе стало возможным осмыслить эту Жертву, которая еще не осуществилась во времени, и в течение многих веков до пришествия Христа Ему подражали посредством приношения. «Взирая поэтому на образ, — пишет Златоуст, — помышляй об Истине и восхищайся силой Божественного Писания: как свыше и заранее предвозвестил Он имеющее быть» (1, t. 53, col. 328).

Одна фраза, находящаяся в пророчестве о Мессии ветхозаветного патриарха Иакова (Быт. 49, 11), дает Златоусту новый повод сказать о Жертве Господней и Божественной Евхаристии. «Омывает в вине ризу свою и в крови винограда одежду свою», — говорит Иаков. Смотри, как нам все Таинство здесь открывается. Омывает в вине ризу Свою, то есть Тело, которое для домостроительства Он сподобился носить. И потом, чтобы ты знал, что это за вино, присовокупил: и в крови винограда одежду свою. Смотри, как названием крови открыл он нам заклание и Крест и всякое домостроительство таинств» (1, t. 54, col. 574—575).

Чада патриарха Иакова слышали это мессианское пророчество, но не вкусили того, о чем говорит это пророчество. Это пророчество было для них загадочным. С пришествием Мессии оно превратилось в знание, которое получают крестившиеся во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Это именно те, которые очищают в «крови винограда одежду свою».

Божественная Евхаристия уподобляется жертве пророка Илии (3 Цар. 18, 17—40). Как тогда после молитвы пророка сошел огонь с Неба и попалил жертву, подобным образом и священник стоит пред престолом, «не огонь низводя, но Духа Святого и творит молитву усердную, не для того, чтобы некий огонь свыше попалил подлежащее, но чтобы благодать, ниспадающая на Жертву, через нее зажгла души всех» (1, t. 48, col. 642).

Пророк Исаия, говоря о своем призвании к пророческому служению, приводит прекрасное видение, предшествовавшее его призванию и приготавливавшее его к принятию его. «И было в то лето, когда умер царь Озия, увидел я Господа, сидящего на Престоле высоком, и храм, исполненный Славы Его. И Серафимы стояли вокруг него... И восклицали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, полны Небо и земля Славы Его. И поднималось надвратие от гласа, которым восклицали они, и храм наполнился фимиамом... И был послан ко мне один из Серафимов, и в руке он имел уголь, который щипцами взял от жертвенника, и коснулся им уст моих и сказал: Вот, это коснулось уст твоих и отнимает беззакония твои и грехи твои очищает» (Ис. 6, 1—7).

Для святых отцов, составлявших последования Божественной Литургии, не было сомнений в значении видения: пророк описывает нам Небо и Ангельское служение. Это премирное служение неведомо было человеку до пришествия Господа на землю: между Небом и землей пропасть великая утвердися (срав. Лк. 16, 26). Однако воплощение Сына и Слова Божия разрушило средостение вражды. Пропасть превратилась в мост, соединяющий землю с Небом. Ангелы сходят на землю, донося Небесного Владыку, и Ангельская песнь — «Побед-

ная песнь» поется в храме Славы Господа. Поэтому и священнодействующий архиерей, пишет святой Иоанн Златоуст, когда стоит у этой святой трапезы, возноса словесную службу и принося Бескровную Жертву, не просто зовет нас к этому славословию, но, прежде сказав о «Херувимах» и помянув «Серафимов», повелевает таким образом всем вознести этот страшный глас, отрывая от земли помышления нас, сликовствующих, и обращаясь к каждому из нас: «Ты поешь с Серафимами, с Серафимами стой, вместе с ними взлети на крыльях, вместе с ними облети Престол Царский» (1, t. 56, col. 138). «Тот жертвенник — прообраз и образ этого жертвенника, тот огонь — образ этого Огня духовного. Но не дерзнули Серафимы коснуться его рукою, а лишь клещами, ты же рукою берешь» (там же).

Ангел клещами берет уголь, прообраз и образ духовного Огня — Христа. И этот уголь очистил уста пророка, чтобы сделать их устами Бога. Верующий, приступающий к Чаше Жизни, «радуясь и трепеща», причащается Огня духовного, который очищает все его существо, попалает скверну и «неизреченно» орошает (Из молитвы ко Причащению). Причащающийся Угля — Христа, становится не просто устами Божиими, но Богоносным и Христоносным.

Жертва Христова — это и чистая жертва, о которой говорит пророк Малахия: «От востока солнца до запада славно Имя Его во языцех, и на всяком месте приносится каждение Имени Моему и жертва чистая» (Мал. 1, 11). «Когда же это произошло? — спрашивает Златоуст. — Когда на всяком месте каждение приносилось Богу? Когда жертва чистая? И если ты не можешь назвать другое время, то этим временем является время после пришествия Христа» (1, t. 48, col. 902).

Все эти прообразы — события и пророческие слова — предызображают таинство Божественной Евхаристии. В каждом из этих событий имеются детали, которые напоминают нам Евхаристическое приношение. Хлеб и вино Мелхиседека, принесение Авраамом в жертву возлюбленного и единокровного своего сына, жертвенник и Ангельское служение в пророческом видении, уголь — посредством этих деталей создается образ святого Приношения.

Однако истинный смысл этого образа не был открыт в Ветхом Завете. Образ этот был «сенью (тенью, прообразом) будущих благ», присутствие которой «никогда не могло сделать совершенными приходящих с ними» (Евр. 10, 1). Назначение сени — возвестить грядущую Истину. Благодаря воплощению Слова «люди, сидящие во тьме, видели Свет великий» (Мф. 4, 16). Христос блистанием пришествия Своего «просветил концы мира». Древнее обновилось, тленное стало нетленным, смертное — бессмертным. Пришествие «Света Жизни» (Ин. 8, 12) разрушило «сень (покров) смерти» (Мф. 4, 16): «Ныне вся исполнишася света» (Пасхальный канон). Все облекается в Свет и Истину. Ожидаемое, предвкушаемое и различным образом предызображаемое спасение становится исторически совершившимся событием.

Пасха: переход от старой к новой. Центральным событием Ветхого Завета явился переход из Египта в землю обетования, который отмечался праздником пасхи. Этот праздник включает в себе историю израильского народа, являясь образом всего Божественного Домостроительства.

Израильтяне были в рабстве египетском. И все человечество было поработено греху и смерти. «Грех царствовал в смертном теле нашем и душе нашей» (Рим. 6, 12). Как древле Моисей, так Христос должен был вывести человечество в истинную землю обетования.

Святой Иоанн Златоуст, анализируя повествование Исхода, делает вывод, что все детали иудейской пасхи были прообразом, то есть предызображением и в то же время подготовкой человечества к тому,

чтобы пережить истинную Пасху — настоящий исход человека из страны греха и переход его в селения Царства Божия.

Человечество, следуя за Христом, переходит (Пасха, от евр.: пасах — переход) от этого мира к Отцу (Ин. 13, 1). Этот переход от настоящего века в Царство Божие заповедал Господь вспоминать (то есть осуществлять) в таинстве Евхаристии и благодарить Того, Который осуществил его (1, t. 58, col. 508).

Совершение таинства Евхаристии — это победная песнь, которую исполняет Церковь и в которой Господь осуществляет духовное освобождение верующих. Деяния Апостольские сообщают нам, что «христиане каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и имея милость ко всему народу» (Деян. 2, 46). Уверенность в Воскресении Господа и вера, что Он был с ними, давали эту радость первым христианам при совершении Таинства. Златоуст не преминул подчеркнуть, говоря о посте перед Пасхой, что «Пасха — дело не поста и не печали, а веселия и радости» (1, t. 48, col. 867).

Таким образом, Божественная Евхаристия является пасхальной вечерей нового избранного народа — Церкви. Бог показывает нам способы выражать Ему наше благодарение и признательность, потому что хочет избавить нас от греха и привести к Небу, чтобы мы участвовали в Ангельском славословии Его Имени. «Если мы, вспомянув благодеяния людей, больше согреваемся любовью, то тем более, постоянно вспомянув дары Владыки, будем более усердными к заповедям Его. Ибо самым лучшим сохранением благодеяния является память об этом благодеянии и постоянное благодарение. Поэтому и Страшные Таинства, преисполненные величайшего спасения, совершаясь за каждым собранием, именуются Евхаристией, потому что это есть воспоминание благодеяний и показывает вершину Промысла Божия, научая за всё благодарить. Ибо если рождение от Девы — чудо великое, то скажи, куда нам отнести заклание? Ибо если это называется рождением, то распятие, излияние Крови и принесение Себя в Пищу нам, в духовную Снедь, как назвать? И ныне мы благодарим Его постоянно и словами, и делами нашими... И иерей повелевает нам благодарить за весь мир, и за прежний, и теперешний, и за тот, который после этого будет. Эта Жертва переносит на Небо и делает из людей Ангелов. Ибо и они, составляя сонм, благодарят Бога за благодеяния нам, восклицая: «Слава в Вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2, 14) (1, t. 57, col. 331).

Святой Иоанн Златоуст потому и подчеркивает характер Таинства, как «чаши благословения» (1 Кор. 10, 16), благословения, которое рождается «от восхищения и удивления при виде этого неизреченного дара». И в другом своем слове он продолжает: «И Чашей благословения назвал, потому что мы воспеваем Его, восхищаясь и удивляясь этим Его неизреченным даром, **благословляя** за то, что самую эту Кровь Свою излил, дабы не оставить нас в заблуждении. И не только излил, но и всем нам предал Себя» (1, t. 61, col. 199—200).

Благодаря воплощению Свет наполняет мир. Господь воспринимает человеческую природу и восстанавливает ее в первоначальной красоте, воспринимает всю историю, освящает и обновляет ее: «Вот все стало новым» (2 Кор. 5, 17). Вкушая духовного Агнца, мы обретаем новую жизнь. Воспоем же, как новый Израиль, поистине победную песнь, проходя путь, «великую Пасху», к Невечернему Дню Царствия Божия.

Установление Таинства

Все прообразы Ветхого Завета мы можем считать подготовительным воспитанием людей для посвящения их в превышающее всякий ум таинство Любви Троицы Божия.

В последние дни земной жизни Спасителя происходят события, которые составляют славу Сына. Христос сосредотачивает в Себе всё и возводит к Отцу. Таким образом Он приводит человека и тварь к Богу, что составляет истинную Пасху и утверждает в ее основании таинство Евхаристии (анафора). Трехлетнее общественное служение Господа, которое предшествовало этим историческим моментам, является новым этапом подготовки людей к восприятию и пониманию Таинства животворящей анафоры, чуда восполнения твари Божественной Жизнью, возвышения и претворения хлеба в Тело Христово.

Когда Пресвятая Богородица обратилась ко Христу и сказала Ему: «Нет вина», — Христос ответил: «Что Мне и Тебе, Жено, еще не пришел Мой час» (Ин. 2, 3—4), у евангелиста Иоанна «час Христов» — время Его смерти (Ин. 17, 1). На браке в Кане Он дает нам «знамение» пришествия часа славы Его. «Начало» знамений возвещает «кончину»: вечерю и Крест. В этом первом чуде происходит превращение — вода претворяется в вино. Это превращение связано с двумя элементами физического мира — водой и вином. И если эти два элемента напоминают нам воду и Кровь из ребра Христова, то превращение одного в другое напоминает другое превращение, которое возводит естественный мир в преестественный и Небесный: претворение, совершаемое в Евхаристии.

Евангелисту Иоанну свойственно применение некоторых слов с двойственным смыслом. Первый касается материального мира, а второй — реальности присутствия Божия в мире (Ин. 4, 4). Вино, которое Господь приносит участникам брака в Кане, есть образ нового Вина, которое вкушают званые на брачный пир Агнца (Апок. 19, 9). И Вино это — честная Кровь Его.

Евангелист заканчивает описание чуда возвещением, что ради знамения сего уверовали во Христа ученики Его.

Второе чудо Господа, которое также подготавливает двенадцать учеников к присутствию «на таинственной Трапезе», — чудо умножения пяти хлебов (Ин. 6, 5—15). Это случилось за год до распятия Господа, на праздник пасхи.

И если в чуде в Кане было вино, которое возвещает новое Питие, в новом чуде были хлебы и рыбы — символы Хлеба Жизни, который приносится алчущему человеку в Пищу истинную, Пищу, которая избавляет его от тления и ведет к бессмертию.

Необходимо отметить, что хлеб символизирует Господа, однако и рыбу с самого начала христиане считали символом Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя. Об этом свидетельствует и евангелист Иоанн, говоря, что Иисус, явившись после Воскресения ученикам у моря Тивериадского, дал им обед из хлеба и рыбы (Ин. 21, 9—13). Свидетельствуют об этом и первохристианские изображения в катакомбах, а также древнехристианские надписи*.

Существом этого чуда является умножение. Спустя год Господь совершил чудо «неистощаемого» приношения (1, t. 63, col. 131), приношения Хлеба, всегда ядомого и никогда не съедаемого. Тысячи верующих будут присутствовать на этой таинственной Трапезе, будут общаться этого Хлеба, будут утолять свою алчбу духовную и после каждого насыщения будут говорить Дароподателю: «Исполнимомся безконечныя Твоя Жизни, насладимомся неистощаемыя Твоя Пищи» (Молитва святого Василия Великого на потребление Святых Даров). Евангелист говорит нам, что Иисус «взял хлебы и, возблагодарив, раздал ученикам». Если бы в четвертом Евангелии было описание уста-

* Греч. ιχθυς, рыба, раскрывалось древними христианами как Ἰ(ησοῦς) Χ(ριστός) Θ(εὸν) Υἱ(όν) Σ(ωτήρ) — Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель.

новления Таинства на Тайной Вечери, то этот стих мог бы относиться к нему. Три глагольные формы — «взял», «возблагодарив», «раздал» — применяются тремя евангелистами — синоптиками в отношении таинства Божественной Евхаристии (Мф. 26, 27; Мк. 14, 23; Лк. 22, 19).

Господь, прежде чем дал хлеба и рыбы в пищу пяти тысячам, вознес благодарственную молитву Отцу. И это деяние Христа подтверждает нам, что чудо умножения хлебов является результатом этого Благодарения — Евхаристии. Это — прообраз величайшей Божественной Евхаристии.

Сразу же после этого чуда идет беседа Господа о Хлебе Жизни и обещание его дать людям Себя в Небесную Пищу (Ин. 6, 25—59).

В этой беседе Господь, отвечая на вызов иудеев («отцы наши ели манну в пустыне»), сравнивает Себя — сходящий с Неба Хлеб Жизни — с манной, которую ели иудеи в пустыне (1, t. 59, col. 252).

Манна в пустыне даровалась Богом в течение сорока лет. Пять хлебов и рыбы умножились. И сходны в этом оба эти чуда с Хлебом Жизни: алчущие получают пищу «без пота и трудов». И Хлеб Животный приносится как благодать и дар Божий алчущему и жаждущему Жизни человеку.

Господь говорит: «Хлеб, который Я дам, — Плоть Моя, которую Я дам за жизнь мира» (Ин. 6, 51). Однако эти слова Господа были непонятны иудеям. Сомнительные и недоверчивые помышления стали закрадываться в их сердца: «Как может Он дать нам есть плоть?» Но Златоуст ставит другой вопрос неверным иудеям: «Если спрашиваешь «как», почему не сказал ты о хлебах, то есть как Он разделит пять на столько человек?» И отвечает: «Потому что для этого он прежде совершил чудо это странное, дабы, получив через это урок, уже не сомневались в том, что Он говорит».

Связь чуда умножения хлебов и Божественной Евхаристии ясно показывается Самим же Господом, Который в Своей беседе называет Себя Хлебом Жизни.

Следовательно, всей своей деятельностью и особенно беседой о Евхаристии Господь готовил учеников к этому священному моменту предания Таинства. «Час» Господень приближался.

Каков этот час? — Новая Пасха. Переход человека от смерти к Жизни. И эта Жизнь дается через Чашу. Именно потому Господь совершает Евхаристическую Тайную Вечерю в праздник пасхи иудейской. «Почему, — спрашивает святой отец, — тогда, во время пасхи Он совершил это Таинство? Дабы ты знал отовсюду и из Ветхого Завета Того, Кто Законодатель, и то, что в нем предызображалось. Поэтому здесь прообраз указывает Истину. А вечер был знаком полноты времен» (1, t. 58, col. 737—738).

Господь передает Таинство, когда «должно прекратиться законное. Главный праздник заканчивается, и Он готовит их (двенадцать апостолов) к другой Трапезе, самой таинственной» (там же, ср. 1, t. 57, col. 206). Так оканчивается целый период, в котором все предызображало имеющую прийти Истину.

Согласно трем первым евангелистам, Таинство учреждено во время пасхальной вечера (Мф. 26, 17; Мк. 14, 12; Лк. 22, 8). Однако евангелист Иоанн сообщает нам (18, 20 и 19, 14 и 31), что иудейская пасха была на следующий день после Тайной Вечери. Много было сказано в объяснение этого «разногласия». Мы полагаем более вероятным, что Христос, зная, что Ему предстоит быть распятым в пятницу, празднует на день раньше, чтобы вместе с тем открыть новую, истинную Пасху. Златоуст часто подчеркивает, что в пасхальный вечер Господом совершено Таинство. «Спрашивают ученики: где хочешь, чтобы мы приготовили Тебе вкусить пасху? Какую пасху? Не эту, не нашу, но бывшую ранее иудейскою, ибо ту ученики уготовили, а эту, нашу, Он уго-

говил. И не только Сам уготовил, но и Сам Пасхой стал... На этой самой Трапезе Христос завершил прообразовательную пасху и предложил (Пасху) истинную» (1, t. 49, col. 378—379).

Искупиитель, праздную пасху вместе со «Своей семьей», то есть с двенадцатью апостолами, которые в тот момент представляли всю Церковь, устанавливает Новую Пасху, которую должны они совершать впредь. «Когда же они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое». И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: «Пийте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (Мф. 26, 26—29. Ср.: Мк. 14, 17—25; Лк. 22, 16—20; 1 Кор. 11, 23—25).

Согласно святым евангелистам, различаются четыре главных момента в акте учреждения Таинства:

- 1) принятие хлеба и благословение его,
- 2) преломление хлеба и раздаяние ученикам,
- 3) принятие, благословение и причащение от чаши,
- 4) сообщение цели учреждения Таинства.

Во время Своей вечери Иисус берет сначала хлеб и возносит благодарственную молитву Отцу Своему Небесному, Который принимает Жертву Единородного Сына. Этот акт Христа составляет восстановление человека от падения. Назначение человека в раю — творении Божиим — принять мир как дар и благодать Божию и принести его Ему как Евхаристию (1 Тим. 4, 4). Это приношение человека было бы общением с Богом, потому что Бог воздавал бы человеку новую благодать и новый дар. Но ветхий Адам возношению всего Богу предпочел падение. Он удержал мир для самого себя и искал в нем жизнь. Новый и последний Адам пришел в мир, чтобы показать путь человеку к забытому им назначению. Пришел, чтобы снова возвратить к Истине. И Он делает это, давая Своею жизнью пример Жизни Истинной (Ин. 13, 15). Поэтому на Тайной Вечери Он благодарит, принося Богу «Благодать на Благодать» (Ин. 1, 16).

Эта благодарственная молитва Господа считалась настолько существенной у первых христиан, что всё Таинство названо было ими Благодарением (5, с. 277). Святой Иоанн Златоуст отмечает соответственно, что Христос благодарит по двум причинам: прежде всего, чтобы научить нас, как и мы должны совершать это таинство Божественной Евхаристии, а во-вторых, чтобы показать нам, что на страдания и Крест Он идет добровольно и с радостным благодарением (1, t. 58, col. 738).

Затем следует преломление хлеба и преподание его Господом двенадцати ученикам: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, Которое за вас предается» (Лк. 22, 19).

Евангелие не говорит нам, как отнеслись ученики к словам Господа. Толкователь Писания считает естественным, что они не смутились, потому что «многое и великое было сказано им и до этого» (1, t. 58, col. 738). Такой же смысл он придает тому, что первым Господь Сам причащается Тела и Крови Своей. «Дабы не сказали слышавшие сие, почему мы кровь пьем и тело едим, и не убоились тогда (ибо когда говорил эти слова, многие соблазнялись). И чтобы их тогда не смутить, первый Сам это совершил, приводя их к приобщению Таин» (1, t. 58, col. 738).

Божественная Евхаристия является вечерей, и как за каждым обедом или ужином вкушают и пьют, так и участники Евхаристической трапезы. Они воспринимают в себя Жизнь Божию, которую Он Сам приносит им. За этой вечерей Глава семьи, Христос, преломляет Хлеб — Са-

мого Себя — и дает его нам, чтобы мы жили в Нем. Но как вечеря, Евхаристия является торжеством, праздником. Это истинная Пасха — «праздников праздник и торжество торжеств», потому что через него совершается наш переход от смерти к Жизни.

После преломления хлеба и причащения им учеников Он, взяв чашу и возблагодарив, дал им, говоря: «Сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Мф. 26, 26—27; Лк. 22, 20).

Христос называет Свою Кровь Кровью Нового Завета, то есть обещания, обетования, закона нового. Ибо это обещалось издревле, и Он продолжает и исполняет этот завет в Новом Завете. И как Ветхий Завет имел овец и тельцов, так этот — Кровь Владычню (1, t. 58, col. 738).

Каков был Ветхий Завет, с которым Господь сравнивает Новый? Это было обещание Бога иудейскому народу, что Он освободит его от рабства и приведет в землю обетования (Исх. 3, 7—10). «Если же слухом услышите глас Мой и сохраните Завет Мой, будете Мне народом избранным из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете Мне царственным священством и народом святым» (Исх. 19, 5, 6). И завет Синайский приносится народу через Моисея (Исх. 20, 1—17). Этот завет утвержден двояко: с одной стороны, окроплением кровью жертвенных животных (Исх. 23, 3—8), с другой стороны, — трапезой, которую Сам Бог угодовал Моисею, Аарону и семидесяти старейшинам (Исх. 2, 1—2). И они видели [Моисей и старейшины] [место] Бога и ели и пили» (Исх. 24, 11).

Это был Ветхий Завет — прообраз Нового, провозвестник Истинны, о которой нам говорят уже пророки (Иер. 39, 40; Иез. 36, 26). Новый Завет, который будет состоять в новом образе жизни, Господь заключает на Тайной Вечери. И как утверждение Ветхого было Богоявлением во время трапезы, так и утверждение Нового состоит в Богоявлении и приобщении Таин на вечери Жизни Божественной. Ветхий Завет утвердила кровь козлов и тельцов, кровь, освящающая к очищению плоти (Евр. 9, 13), в то время как в Новом Кровь Богочеловека «искупила нас Богом» (Апок. 5, 9).

Кровью Иисуса мы имеем дерзновение на вход во святилище (Евр. 10, 19). Кровь Нового Завета родила нас к Жизни Новой, приблизила нас к Богу (Еф. 2, 13).

После Причащения Господь дал заповедь двенадцати: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24). Каково значение этих слов Христовых? Согласно святому Иоанну Златоусту, Христос хочет привести нас к новой реальности, «новой твари», создаваемой Его искупительным подвигом. И поэтому если Он сохраняет некоторые формы иудейского служения, то дает им новое и более глубокое содержание. «Как ту (иудейскую пасху) вы совершали в воспоминание чудес в Египте, так и эту — в Мое воспоминание. Та привела к спасению первородных, эта — к оставлению грехов всего мира. Ибо сия есть Кровь Моя, во оставление грехов изливаемая. Это Он говорил здесь, показывая вместе с тем, что Таинство — это страдание и Крест. И как Моисей говорит, что это поминование вам вечное (Исх. 3, 15), так и Он: в Мое воспоминание, дондеже приду» (1, t. 58, col. 739).

Церковь получила заповедь от Христа совершать Божественную Евхаристию в Его воспоминание, пока придет Он во славе Своей. И мы совершаем это торжество Евхаристии, вспоминая жизнь Христову, Пречистой Богородицы и Богоносных святых отцов наших, приносим благодарение Богу. И за этим приношением сходит Утешитель, чтобы напомнить нам все, сказанное Христом (Ин. 14, 26). Благодаря Его сошествию это воспоминание освящается, предлагается в присутствие и общение с Живым Богом. «Горé Сидящий со Отцем находится пред нами, Неосязаемый осязается, Невидимый зрится, Невещественный разделяется и приносится за жизнь мира и спасение».

Перед сошествием Утешителя мы вспоминаем «спасительную заповедь (Христа) и всё, ради нас бывшее» (из молитвы перед освящением Даров). После этого мы свидетельствуем, что «видехом Свет истинный, прияхом Духа Небесного». Еще раз совершилось таинство Домостроительства (литургия святого Иоанна Златоуста и литургия святого Василия Великого).

Сущность Таинства

«Христос есть, вкусите и видите: Господь нас ради, по нам бо древле б́ывый, единою Себе принес, яко приношение Отцу Своему, присно заклается, освящая причащающихся» (тропарь 9-й песни канона пред Причащением). Это Владычнее священнодействие, которое воспевает песнопевец, венчает все таинство Божественного Домостроительства. Это — исполнение Христом воли Отца Небесного — искупление человека от власти дьявола.

Однако вследствие того, что совершился этот акт искупления, именно после того, как «совершилось Богоявление — «Владычнее священнодействие на Сионе», Евхаристическое священнодействие составляет у евреев таинственное и непостижимое. Мы говорим «таинственное» потому, что в то время как Господь «одну Жертву принес за грехи, Он навсегда воссел одесную Отца, ибо одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых» (Евр. 10, 12, 14; 1 Петр. 3, 18), дал всей Церкви заповедь совершать в ней это Таинство неизреченного Домостроительства. Таким образом, «однажды» совершённый Господом акт искупления составил начало того постоянного («присно») присутствия на Земле Царства Божия, которое является в Евхаристическом собрании верующих. И как именно Искупитель был Первородным всякой твари, так и Святое Его приношение, за нас принесенное, явилось первородным всякого приношения, приносимого Церковью. Мы можем сказать, что Евхаристическое приношение является впредь первородным, совершаемым в «Церкви первородных, на Небесах написанных» (Евр. 13, 23), и отождествляемым с «однажды» совершённым Господом священнодействием.

Приношение первородных животных и людей Богу в Ветхом Завете составляло явное предызображение Первородного всей твари, Который не символически, а истинно и полно будет принесен Богу Отцу за жизнь мира и спасение. Его приношение составляет истинное и «первородное» приношение, могущее нас спасти. С тех пор всякая Евхаристическая жертва не предызображает ожидаемую и не отображает бывшую, но таинственно составляет постоянное присутствие с нами этой Жертвы.

Именно поэтому мы можем после святого приношения говорить: «Исполнися (исполнилось) и совершися (совершилось), Христе Боже наш, Твоего смотрения (промышления) таинство». «Поэтому Страшные Таинства, исполненные многого спасения, называются Евхаристией, ибо они — воспоминание многих благодеяний и показывают главизну (вершину) Божественного промышления» (1, t. 57, col. 331).

Однако, чтобы понять эту истину, необходимо более внимательно посмотреть на связь таинства Евхаристии с Тайной Вечерей, с одной стороны, и с Жертвой Голгофской, — с другой.

Рассмотрим сначала отношение к Тайной Вечери.

Три момента побуждают святых отцов подчеркивать особые отношения, которые существуют между Тайной Вечерей и Божественной Евхаристией:

1) Сущность совершённого Господом Таинства и цель, ради которой Он совершил его, совпадают с сущностью и целью совершаемой Церковью Евхаристической вечери.

2) В обоих случаях Совершающим Таинство является Господь. Он — Приносящий и Приносимый. И Тайная Вечеря совершена Им в конкрет-

ном месте и в конкретное время, когда Он находился на Земле, и Божественная Евхаристия совершается Им, Архиереем во век, использующим, однако, для этого людей, которые участвуют [в Таинстве] благодатию Его священства.

3) Место, где совершается Таинство, то же, что и место, где совершена была Тайная Вечеря: **Церковь**. Ибо как в момент преподания «Страшных Таинств» вся Церковь присутствовала в лице двенадцати учеников, так и для совершения Евхаристической вечери «одно место приличествует и есть воистину самое близкое — Святый Град, то есть Церковь, в которой и законный иерей, и руками священными совершается святыня» (1, t. 68, col. 1085). Как в тот исторический момент первого совершения Господом таинства Евхаристии учреждена была вместе с ним и Церковь (5, с. 23; 6, с. 8), так благодаря совершению Божественной Евхаристии живет она и является в мире теперь.

Принимая во внимание эти три момента, онтологически связующие Тайную Вечерю и таинство Евхаристии, легко понять, что Церковь, следуя заповеди Господа: «Сие творите в Мое воспоминание», — действительно совершает то именно, что Он совершил.

Господь после первого совершения Таинства дал нам заповедь совершать так всегда в Его воспоминание, «открывая нам причину преподания Таинства и, в частности, говоря, что это воспоминание достаточно для нас в деле благочестия, ибо если бы ты понял, что сделал Владыка твой для тебя, ты стал бы мудрее» (1, t. 61, col. 230).

При совершении Тайной Вечери ученики находились пред Господом и переживали это таинство Божественного Домостроительства: Искупитель предаёт Себя за спасение мира. Он приносит Себя Отцу, и Отец во Святом Духе приносит Сына верующим, «дабы Жизнь имели, и имели с избытком» (Ин. 10, 10). Это святое приношение и преподание мы таинственно вспоминаем, то есть воспроизводим, делаем снова настоящим в Божественной Евхаристии, ибо через ее совершение возвещаем смерть Господа и исповедуем Воскресение Его (Из Литургии святого апостола Иакова). Это исповедание является производным устремлением наших душ к проявлению благодарности к Искупителю.

На этой исторической вечере Господь принес преломляемое Тело Свое и изливающуюся Кровь Свою во оставление грехов. На Божественной Евхаристии руками священника Господь приносится во оставление грехов и в Жизнь Вечную. Эта Кровь Господня, «Питие может умерщвлять внутренний червь и змиев... и если со дерзновением воспринята будет, может угасить всякую болезнь» (1, t. 57, col. 50). Участие в Таинстве для верующего, борющегося против диавола, составляет великую помощь, соответственно, конечно, вере и внутренней чистоте приходящего. Поэтому причащающийся должен помышлять о наслаждении этой страшной Трапезой и светлостью сходящего здесь Огня и его попадающей силой (1, t. 53, col. 217). И поскольку эту силу дарует Таинство, то мы, если уходим из святого собрания без этой силы, свидетельствуем чрез это, что не имеем истинного причастия и общения во Святом Духе (1, t. 49, col. 79). Освобождаясь постепенно от греха, мы подготавливаем свой вход в Царство Божие.

Цель Божественной Евхаристии, следовательно, отождествляется с целью приношения на Тайной Вечери. Поэтому мы можем сказать: «Это приношение то же самое, кто бы ни приносил его, будь то Павел, будь то Петр, оно то же, которое Христос дал ученикам и которое ныне священники совершают: оно ничуть не меньше того, потому что его не люди освящают, но Тот же, Который и ту освятил. Как глаголы, которые Бог возвестил, те же самые, которые ныне произносит священник, так и приношение то же есть» (1, t. 62, col. 612).

И слова Господа, которые были сказаны во время преподания святого Таинства двенадцати ученикам, сохранены евангелистами и повто-

ряются при совершении Божественной Евхаристии. Существенной стороной этого таинственного повторения, как Таинства Самого Господа, является искупление нас от греха и приобщение к Жизни, чтобы оживотворить нас.

На каждом Евхаристическом собрании Христос является Тем, Кто совершает это страшное и спасительное Таинство. «И сегодня Он Тот, Кто всё соделывает и преподает, как и тогда». И это настолько истинно, что мы можем сказать вместе с апостолом Павлом: «Мы приняли (то есть мы принимаем за каждой Литургией) от Господа...» (1 Кор. 11, 23).

Это подчеркивается и другими святыми отцами, начиная с первых веков. Однако в евхаристическом опыте святого Иоанна Златоуста он занимает самое центральное положение (1, t. 58, col. 507).

Участвуя в евхаристическом собрании, мы совозлежим с Господом и двенадцатью учениками. Он простирает Свою руку, принося нам Пречистое Тело Свое и Честную Кровь Свою. Так всякий раз мы совершаем Таинство, где Господь одновременно «Питатель и Пища, Пастырь и Агнец (1, t. 50, col. 720), Приносящий и Приносимый, Приемлющий и Раздающий» (срав.: молитвы во время Херувимской песни и пред раздроблением Хлеба).

К этой мысли часто возвращается святой Иоанн Златоуст. «Христос и ныне,— говорит он,— присутствует, украсив трапезу ту и украшая ныне эту. Ибо не человек, но Сам распятый за нас Христос делает предлежащие Дары Телом и Кровью Своею. Стоит священник, исполняя образ, произнося установительные слова; сила же и благодать — Божии. Этот глас Христа, однажды произнесенный за этой трапезой, в церквах донныне и до Его пришествия совершает соделанную Жертву» (1, t. 49, col. 380). Присутствие священника — образное. Чиносовершитель, священник — это образ Христа. И как воздаваемая святым иконам честь восходит к Первообразу и от Первообраза истекает благодать, так и в Евхаристии от Первообраза истекают Сила и Животворящие Дары.

Значит, истинным Чиносовершителем по существу всегда является Христос. Он Тот, Кто, как Глава Тела-Церкви, приносит святое возношение Отцу и через Него приносится нам.

Но для святого Иоанна Златоуста существует не только тождество цели и Чиносовершителя между Тайной и Евхаристической вечерей, но и тождество места. «Эта трапеза — та трапеза, и ничуть не меньше ее. Ибо не Христос ту, а человек эту совершают, но и ту, и эту Он. Это та горница, где они тогда были. Здесь, на гору Елеонскую они взошли» (1, t. 58, col. 744).

Для совершителя святых Таинств время и место, где совершается Божественная Евхаристия, отождествляются со временем и местом, где учреждено было Таинство Господом. С того момента, когда Господь преподавал Таинство, время и пространство претерпевают изменение. Царство Божие и вечность снова входят в историю. Это переживает верующий, когда входит в литургическое пространство и литургическое время, то есть когда своей жизнью совершает святое приношение и возносит всё на Небо. Следовательно, время и место нас не отдалают от Горницы и исторического момента преподавания вечери, потому что благодаря Евхаристии прошлое, настоящее и будущее становятся х а р и з м а т и ч е с к и м н а с т о я щ и м.

Однако Церковь не просто «здание», которое заменило Горницу святого града. Церковь — это Тело Христово, она составляется и питается Телом и Кровью Своего Главы и вместе с тем является местом, где верующие собираются вместе, чтобы присутствовать на Господней вечери.

Совершаемое в Церкви Таинство есть то же, которое совершено было «в ночь, когда Он был предаваем» (из молитвы литургии святого

Иоанна Златоуста). Именно поэтому верующий, приходящий к Божественному Причащению, обращается к Господу, говоря: Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими...»

Но если Тайная Вечеря и совершённое на ней онтологически связаны с Евхаристическим приношением, то подобная органическая связь существует и между Жертвой Голгофской и Евхаристическим приношением.

Таинство, совершённое Господом и с тех пор совершаемое Церковью, зиждется равным образом на Крестной Жертве Голгофы. Хронологическое различие их положения перед Крестом не имеет никакого значения, поскольку характер и отношение обоих к Голгофе таинственное, существенное и абсолютно преестественное, но ни в коем смысле не временное (5, с. 51).

Тексты из творений мужей Апостольских свидетельствуют, что первые христиане понимали Божественную Евхаристию как Жертву Бескровную и словесную, и вместе — действительную. В IV в. святой Кирилл Иерусалимский говорит: «После того, как составлена духовная Жертва, бескровная служба о Жертве той умилоствления, просим Бога об общем мире Церкви».

Обращаясь к святому Иоанну Златоусту, мы сразу же понимаем его уверенность, что речь идет о Жертве истинной. В Литургии и в других творениях святитель Иоанн Златоуст свидетельствует, что Божественная Евхаристия является истинной Жертвой (первая молитва верных, молитва Херувимской песни, молитва проскомидии, вторая молитва верных и др.). Крестная Жертва главенствует в жизни Церкви. «Он (Крест) — на святом Престоле, он — на хиротониях священников, он снова с Телом Христовым на Тайной Вечери сияет» (1, t. 48, col. 826). С другой стороны, на Тайной Вечери Господь называет Кровь Свою Кровью Нового Завета, то есть обещания, обетования, закона нового. Он обещал ее издревле, и этот завет она продолжает, восполняет в Новом. И как Ветхий Завет имел овец и тельцов, так этот — Кровь Владыки. Святой отец, опираясь на двойной смысл слова «завет» («согласие» и «завещание»), заключает: «Отсюда показывает, что умрет». Таким образом, Страшные Таинства становятся доказательством Крестной Жертвы Господа. «Ибо если Христос не умер, чьи совершаемые знаки?»

Жертва Господа через Крестную смерть была переходом. Одно прище и одно приношение Отцу: «Отче, ныне к Тебе гряду» (Ин. 17, 13) и «Сам отдаю душу Мою» (Ин. 10, 18). Человек через падение соделался недостойным принести себя Богу, поэтому Богочеловек был принесен за человека. Приношение и Жертва Христа сделали возможным и наше приношение. После приношения Христова верующий грядет в Церковь и полагает свое приношение вместе с приношениями членов Тела. И все эти приношения в Церкви становятся одним приношением («во Христе вы одно»), они собираются вместе, объединяются святым собранием, и это общее приношение Кафолической Церкви преподается ею на святом Приношении Христа и воплощается с Ним, и совершается Утешителем, освящается и претворяется. На этой святой Трапезе лежит «нас ради закланный Христос, Жертва». Совершаемое — это «знаки» Его смерти.

Мы Одного и Того же присно приносим, не одного Агнца сегодня, а завтра другого, но всегда Одного и Того же, так что одна есть Жертва. По этой причине, поскольку всюду приносится, разве много Христов? — Никоим образом, но всюду один Христос, и здесь будучи полным, и там полный, одно Тело. Как всюду Приносимый одно Тело есть, а не многие тела, так и одна Жертва. Архиерей наш Тот, Кто принес Жертву, очищающую нас. Ту мы приносим и ныне, принесенную тогда — непобедимую» (На Евр. 17).

Тождество Священнослужителя объединяет Евхаристию и Тайную Вечерю. Тождество приносимого Агнца объединяет Евхаристию и Гол-

гофу. Присутствие Христа «побеждает естества (природы) чин». Оно является центром истории, главизной нашего спасения. Все древнее ведет к нему, и из него протекает будущее. Голгофская Жертва и Бескровная Жертва, приносимая в Церкви, является двумя событиями только для того, кто их рассматривает как простой наблюдатель. Для верующего, который причащен этим событиям, оба они сливаются в одно и единственное. Причащающийся Бескровного Приношения участвует в непостижимом взаимоперекрещивании между этим Приношением и Крестной Жертвой Господа. «Одно и то же Овча мы всегда приносим. И это не только тот же Христос, Который приносится. Он всюду и всегда Приносимый. Приносимая Жертва неистощима». Поэтому «ничего более не имеет Таинство, совершаемое на Пасху: одно и то же, та же Духа благодать, всегда Пасха. И в пятницу, и в субботу, и в воскресенье, и в день мучеников—та же Жертва совершается. Ибо всякий раз, «когда вы едите хлеб сей и пиете Чашу сию, смерть Господню возвещаете» (1 Кор. 11, 26).

Присутствие Богочеловека Господа наполняет и обновляет всё. Он пребывает с нами «во вся дни до скончания века» (Мф. 28, 20). В Божественном таинноводстве Он «приносит и приносится, приемлет и раздается» (из молитвы пред раздроблением Святого Хлеба). Прошлое и будущее для причащающегося жизни Иисуса, Который есть Альфа и Омега (Откр. 22, 13), являются таинственно и неложно настоящим. Совершаемое ныне приношение, и совершённое вчера, и совершаемое повседневно, тождественны и суть одно и то же с совершённым «в день той (той), во едину от суббот» (Ин. 20, 19) и то не святее этого, и это ничуть не ниже того, но одно и то же, одинаково страшное и спасительное».

Таким образом, предстоя Божественной Евхаристии, мы радуемся радостью неизреченной, которая омывает душевную скверну.

«Господь для того и стал Человеком, чтобы принести Жертву, могущую нас очистить» (1, t. 63, col. 47), Жертву, могущую умиротворить расстоящееся, соединить Небо и землю, примирить человека с Богом, с братом своим и с самим собой. «Ты приступаешь к Жертве Страшной и Святой. Устыдись дела сего приношения: Закланный предлежит Христос. И чего ради Он заклан и почему? — Дабы умиротворить то, что на Небе и на земле, дабы тебя соделать другом Ангелов, дабы примирить тебя с Богом всяческих, дабы из врага и противника сделать тебя другом... Ради мира к брату твоему Жертва сия» (1, t. 49, col. 381—382).

Благодаря Голгофской Жертве мы, «будучи врагами, примирились с Богом» (Рим. 5, 10). Однако речь идет не о простом восстановлении отношений между Богом и людьми. Речь идет о полноте Жизни. «Живоносная Твоя рёбра, яко из Едема источник источающая, Церковь Твою, Христе, яко словесный напаяет рай, отсюда разделяя яко в начале, в четыри Евангелия, мир орошая, тварь веселя, и языки верно научая поклоняться Царствию Твоему» (тропарь Блаженн, на утрени Великого Пятка).

Даже то, чего не претерпел на Кресте Господь, то есть сокрушение костей, содержится в Таинстве, «да всё исполнит» (1, t. 61, col. 200), «дабы мы стали сотелесными Ему» (1, t. 60, col. 477).

Троическое Богоявление. Совершаемая Церковью Евхаристическая Жертва является обобщением понятия таинства Божественного Домостроительства и залогом постоянного присутствия этого таинства в Церкви.

Дело Божественного Домостроительства является делом Пресвятой Троицы, как говорит святой отец, «всё, принадлежащее Троице, нераздельно» (1, t. 61, col. 608). Где присутствует одна Ипостась Святой Троицы, там присутствует вся Троица, ибо нерасторжимо Она существует.в

Самой Себе и пребывает в единстве» (1, t. 60, col. 519). Сын и Слово стал плотью и вселился в нас, Отец благоволил тому, и Дух Святой содействовал Сыну с момента девственного и непорочного зачатия Его во утробе Пресвятой Богородицы.

Свидетельствуя о Богоявлении, мы говорим вместе о Троичном Богоявлении, осуществляемом в Евхаристии и через Евхаристию. Потому что это — один дар и одна власть Отца, и Сына, и Святого Духа. Ибо то, что кажется свойственным Отцу, свойственно и Сыну и Святому Духу (1, t. 59, col. 519).

Человеку трудно понять Непостижимое и выразить Неизреченное. Ибо если самими святыми Ангелами «Едѣница Троица преестественно, неизреченно паче ума прославляется», то тем более людьми, которые ограничены телом и которые должны вести сильную борьбу, чтобы соделать его мертвым для греха (Рим. 8, 10). Народ Божий, взойдя на Небо и созерцая Троичное Богоявление, находится пред непостижимым Таинством. Таинство нельзя изобрести, но одно только то, что есть, возвещается, ибо не будет Таинства Божественного и совершенного, если добавишь что-то от себя» (1, t. 61, col. 55).

Самый надежный способ понять, что Божественная Евхаристия действительно является «присно возобновляемым» Троическим явлением в Церкви, — прибегнуть к тексту Божественной Литургии святого Иоанна Златоуста. Уже первые слова Божественной Литургии говорят нам о том, что место, куда мы входим, чтобы принести словесную службу, — благословенное Царство Святой Троицы. «Благословено Царство, — говорит он, — Отца и Сына и Святого Духа», — потому что чрез вочеловечение Господа люди постигли, что в Трех Лицах существует Бог. Поэтому в начале мы исповедуем Троицу (1, t. 98, col. 401 В).

В любой своей части Божественная Литургия свидетельствует о Троичности. Возгласы, ектении, три антифона, Трисвятая песнь и другие части — свидетельства, которые показывают одну и единственную действительность, причастниками которой мы должны быть, — Царство Отца, и Сына, и Святого Духа.

Через великий вход мы вступаем в ту область, откуда будем возносить наши сердца и Дары к Престолу благодати. Первая молитва верных — это предвозвещение святого Возношения: мы обращаемся к Вседержителю Господу, Который сподобил нас предстоять святому Своему Жертвеннику и припасть к щедротам Его. И мы просим Отца соделать нас достойными принести Ему Сына силой Святого Духа. Церковь, святой Божий народ, приносит Отцу Сына, а Отец принимает Его «во святой Свой жертвенник в вою (обоняние) благоухания духовнаго» и за это приносит Его нам во Святом Духе.

Затем Святая Церковь вместе с Херувимами воспевает Животворящей Троице Трисвятую песнь, побуждая верных: «Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом... Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снѣдъ (пищу) верным».

Великий вход — это вход Богочеловека в историю и явление Его миру. Те, кто Его встречает, кто идет за Ним на Голгофу, входят за Ним во Святое святых. Отложив житейские попечения, с «чистым мышлением» идут они вместе с Господом и сраспинаются с Ним и соумирают для мира, «да живут с Ним».

Верные должны вознести свои сердца, чтобы войти туда, где Сын сидит со Отцом. Однако для того, чтобы они смогли осуществить это возношение, они должны иметь благодать Господа Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и причастие Святого Духа. Сама Святая Троица содействует этому возведению к Себе Самой. Она есть Путь и Жизнь, Средство и Цель, Начало и Конец.

Войдя в область «вечно живого и светлого Источника» Троичного Богоявления, Церковь — народ Божий начинает святое возношение: «Ты еси Бог Неизреченен, Недоведомь, Невидимь, Непостижимь, присно Сый, такожде Сый, Ты и Единородный Твой Сын и Дух Твой Святой. Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшыя восставил еси паки и не отступил еси, вся творя, дондеже нас на Небо возвел еси, и Царство Твое даровал еси будущее. О сих всех благодарим Тя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святаго» (молитва из литургии святого Иоанна Златоуста).

Совершается неизреченное Таинство. Дело, которое Отец возложил на Сына и которое Сын совершил, действуя и в нас (Ин. 17, 4, 6). Мы, изображающие таинственно херувимов, поем теперь вместе с ними победную песнь: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф». Этим Троическим исповеданием народ Божий поставляется в центр таинства Троического Домостроительства, ибо в нем Отец, движимый Божественной любовью, приносит Сына человеку, Сын, придя в мир, предается — вернее, Сам Себя предает — за жизнь мира. И Дух Святой ниспосылается Отцом, претворяя и освящая приношение.

В этот высочайший момент Литургии соединяются и соприсутствуют вместе прошлое, настоящее и будущее: Совет Отчий о принесении Сына — «тайны, леты вечными умолчанныя» (Рим. 14, 24); дело Сына, уже совершённое (Крест, Гроб, Воскресение, Вознесение), совершаемое (одесную седение) и имеющее совершиться (второе и славное Пришествие); Сошествие Святаго Духа Животворящего, который освящает нас и «предлежащая Дáры сия».

Сошествие Святаго Духа в день Пятидесятницы — это ответ Бога Отца на призывание первого Евхаристического священнодействия двенадцати учеников.

Освящение Честных Даров — это действие Святаго Духа в Церкви. То, что составляет «закон Церкви», является вместе с тем и «исполнением чаяния», то есть исполнением надежды спасения.

Чтобы понять святое и духовное совершение таинства Евхаристии, примем во внимание со-действие Святаго Духа при воплощении Слова. Его наитием осуществляется зачатие Сына Божия в пресвятой утробе Девы. В этой связи характерен диалог между священником и верующими в литургии святого Иакова, брата Божия, перед началом святой анафоры. Священник говорит: «Возвеличите Господа со мною и вознесем Имя Его вкүпе» (вместе). Народ отвечает: «Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя». Другими словами, народ употребляет выражение, с которым Архангел Гавриил обратился к Пречистой Деве Марии во время Благовещения. На Литургии священник с народом священнодействует Таинство Сына и Слова силой и действием Святаго Духа. Как наитием Святаго Духа совершилось зачатие Господа, так же Святым Духом освящается приношение Церкви.

Подтверждением веры самой Церкви в освящающее действие Святаго Духа за Божественной Евхаристией является так называемое призывание (эпиклезис). Речь идет о молитве, которую верующие через священника возносят к Отцу Небесному, чтобы Он ниспослал Пресвятаго Своего Духа на предлежащие Дáры, дабы претворил их в Тело и Кровь Христову. Одна из древнейших литургий, известная из «Апостольского предания» святого Ипполита (220 г.), имела эпиклезис: «И просим Тебя ниспослать Духа Твоего Святаго на приношение Святой Церкви, воедино соединяя. Дай всем причащающимся святым — в исполнение Духа Святаго, в утверждение веры в Истине» (7, с. 248).

Для Златоуста нет никакого сомнения, что всё в Церкви не только освящается Святым Духом, но и Им учреждается. «Если бы Дух не присутствовал, не была бы учреждена Церковь, и если создается Церковь, то явно Дух присутствует» (1, t. 50, col. 459). Всё дает нам Утешитель.

Через Него мы освобождаемся от рабства, призываемся к свободе, возводимся к усыновлению и свыше воссоздаемся, откладываемое тяжкое и ненавистное бремя грехов. Духом Святым видим сонмы иереев, имеем множество учителей, от этого Источника — и дары откровений и дарования исцелений, даруется Им и все прочее, что обычно украшает Церковь Божию (1, t. 50, col. 463).

Однако, кроме различных даров, которые раздает в Церкви Пресвятой Дух и которые мы можем назвать одним словом — «Благодать Божия», Он дает [Церкви таинственное Брѣшно —] Главу Тела, совершает евхаристическое предложение. «Ибо Тѣла и таинственной Крови никогда бы не было без благодати Духа» (1, t. 50, col. 432). Именно поэтому священник, служитель Слова Божия и представитель верных, стоит перед святой Трапезой, воздевая руки к Небу, призывая Духа Святого, чтобы Он пришел и коснулся предлежащих Даров. И Пресвятой Дух, отвечая на молитву Церкви, подает Свою Благодать и совершает неизреченное освящение. «Если бы Святого Духа не было в этом общем ѳце и учителе, тогда бы не восшел вскоре на этот Престол священный и не преподал бы всем вам мир, и вы все вместе ему не ответили: «И духови твоему». Поэтому не восходящему только и не беседующему с вами, и не молящемуся за вас говорите это изречение, но — когда он стоит у этой священной Трапезы, когда намеревается возносить эту страшную Жертву. Ибо знают посвященные в Таинство, что не прежде касается священник предлежащих Даров, пока сам не пожелает вам от Господа благодати, а вы ответите ему: «И духови твоему», напоминая этим ответом, что ничего сам присутствующий не делает, и не человеческого естества достижение — предлежащие Дары, но благодать Духа, присутствующая и на всех нисходящая, таинственную эту Жертву уготовляет» (1, t. 50, col. 458—459).

Божественная Евхаристия — это Таинство Животворящего присутствия Святого Духа. Когда Своей освящающей силой Пресвятой Дух превращает хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы, то одновременно Он снисходит и на верующих. Именно поэтому участие верующих в Евхаристической вечери совершается в «общении Святого Духа». Те, кто приступают к Трапезе, которая «изобилует множеством благ, и вкушают Тела и Крови Владычных, становятся жилищем Духа» (8, с. 149). За этой Трапезой находится Сам Господь, Который, принося Пресвятое Свое Тело и Кровь, питает и напояет нас Святым Духом. Трапеза исполнена Духа, и поэтому участвующие в ней приобщаются Его. К причащающемуся приходит Христос и обитает в нем, и Святой Дух осуществляет дивные превращения (1, t. 58, col. 678). И, таким образом, Святая Чаша становится «Чашей, напояющей нас» (Пс. 22, 5).

После всего сказанного сам собой напрашивается вывод, что в Богословии Златоуста таинство Божественной Евхаристии — это Богоявление и общение Троичного Бога с членами Тела Христова. «Как всё, что сотворил Бог, Он действием Святого Духа сотворил, так и ныне действие Духа соделовае преестественное — что невозможно вместить разуму, разве только верой» (1, t. 94, col. 1140 С — 1141 А).

Освящение — это не магический акт, ограничивающийся моментом времени. Это — явление Троичного Таинства, это следствие возношения Честных Даров Святой Троице.

Совершение Евхаристического таинства составляет явление Троичного Домостроительства: Отец благоволит к Жертве Сына и принимает ее, Сын приносит ее и приносится в ней, Дух Святой освящает и совершает ее.

Собор Неба и земли. Собрание верующих в храме для совершения Божественной Евхаристии являет единство Тела Церкви. В храм мы со-

бираемся не для того, чтобы молиться каждому индивидуально, а чтобы именно явить Таинство Церкви.

Земная жизнь членов Церкви — постоянное и непрерывное шествие к Царству Небесному. «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13, 14). Это совместное шествие верующих достигается благодаря евхаристическому собранию. Божественная Евхаристия для святых отцов — это священный Собор, то есть собрание Неба и земли, людей и Ангелов, вещественного и невещественного мира.

«Православная литургия начинается священнолепным славословием: Благословено Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа всегда, ныне и присно и во веки веков. С самого начала возвещается цель: этот путь ведет нас в Царствие Божие. Туда мы идем не символически, но реально. На протяжении этого пути совершается Божественная Евхаристия, и сама эта Евхаристия составляет наш путь. Она в одно и то же время Жизнь и Путь.

В этом священном собрании мы понимаем, что не одиноки в нашем шествии. Глава Тела Церкви идет вместе с нами, дориносимый невидимо Небесными Силами. Церковь во время Евхаристического собрания претворяется в «земное Небо, где обитает и шествует» Пренебесный Бог. Небесный и земной мир образуют неразрывное единство, жизненным центром и объединяющими узлами которого является присутствие Господа.

Образом этого является расположение частиц на святом дискосе на проскомидии. Вокруг Агнца находятся частицы [в честь и память] Пресвятой Матери Господней, Ангелов, святых, умерших и живых. Присутствие Агнца «вземлющего грех мира», собирает воедино «прежде расставшееся» (разъединенное).

Согласно православному пониманию Церкви, каждая Поместная Церковь является кафолической Церковью. И именно по этой причине приносимое ею Возношение является делом всей Церкви. Поскольку Церковь в Евхаристическом собрании имеет своего Создателя, она является «ширшей Небес» (широчайшей, чем Небеса), как и Богородица Мария после зачатия Слова Божия явилась Небом и «ширшей Небес» (В субботу вечера, гл. 1).

Святой Иоанн Златоуст особенно подчеркивает, что совершение святого Таинства является делом всей Церкви, воинствующей и торжествующей, земной и Небесной.

Прежде всего в нем присутствует Господь: «Если намереваешься приступить к священной Трапезе, думай, что там присутствует и Царь всех» (1, t. 56, col. 140). Присутствие Господа является свидетельством Его снисхождения к нам и в то же время следствием Его желания сопраздновать с нами Пасху: «Херувимы и Серафимы спразднуют с нами настоящий праздник, который является общей и их радостью. И почему я говорю об этих соработниках? — Сам Владыка их и наш не стыдится сопраздновать. И почему говорят, что Он не стыдится? — Желанием, говорит Он, возжелал я Пасху сию с вами есть» (1, t. 50, col. 436).

Попытка привести тексты Златоуста, которые говорят о присутствии Христа в Евхаристии, означала бы приведение всех почти текстов, где Божественный отец говорит о Таинстве. И это потому, что присутствие Господа является условием и предпосылкой всего его учения об этом Таинстве. И то, как он это говорит, является естественным следствием его опыта.

Таким образом, отцы в своих законоположениях указывают, когда Христос будет восседать словно на высоком судилище и виден в самих таинствах, приведутся словно некие узники, приговоренные не для того, чтобы дать отчет, но чтобы в стране сей и всяком граде была общая о них молитва, чтобы все единодушно просили о них Общего Владыку и с сильным воплем умоляли Его. Однако Христос не просто присутствует.

Он — Тот, Который приносит святую Трапезу. Он — Тот, Кто таинственно и реально ведет Свой народ, объединяя и освящая этот святой собор Своим животворящим присутствием.

Одесную Царя Небесного предстоит Царица, «в ризе позлащённой, преукрашенной» (Пс. 44, 10). Она за добродетель Свою сподобилась «быть служительницей таинств» (1, t. 57, col. 45) новых и странных: Она принесла Царю одушевленный престол, земное жилище, Она была жезлом от корене Иессея», от Нее «Цвет изыде мiрови Богоипостасный» (1, t. 96, col. 689 С). Поэтому Она на всяком месте присутствует с Сыном Своим. Через таинство воплощения, которому Она изрядно послужила, стало возможным Евхаристическое собрание. Поэтому «изрядно» Она сопразднует вместе с нами эту вечерю Царства.

Вместе с Владыкой Неба и земли присутствуют Ангелы и Архангелы, прославляя вместе с верующими благодать Божию. Они — почетные стражи, пребывающие с Царем. «Я слышал,— говорит Иоанн Златоуст,— как некто рассказывал, что ему один старец, дивный муж, сподобившийся зреть откровения, говорил, что он сподобился когда-то такого видения, и множество в то время Ангелов видел, насколько то ему возможно было, облаченных в блистающие одежды и окружающих жертвенник, и покланяющихся ниц... И я верю» (1, t. 48, col. 682).

Это — превыше разума человеческого. Все Небо здесь находится. Именно поэтому святой иерарх Царского Града [Константинополя] побуждает верующих во внутренней, духовной тишине участвовать в службе Божией. «Когда Бог призывает на Свою Трапезу и к Своему предлежащему Сыну, когда Ангельские Силы предостоят со страхом и трепетом, и Херувимы закрывают лица, и Серафимы восклицают: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», — ты кричишь, скажи мне, и шумишь на этом духовном вкушении? Ты что, не знаешь, что тишина должна наполнять душу в тот момент? Требуется большой мир и успокоение, не страх, не гнев и не волнение»» (4, t. 49, col. 361).

В этот страшный час Ангелы не престают исполнять и другое свое служение: они молят Всеблагото Господа о людях. «И как люди, срезав масляные ветви, размахивали пред царями, напоминая им посредством этого растения о милости и человеколюбии, так и Ангелы, вместо ветвей масляных Само Тело Владычнее предлагая, просят Господа о человеческой природе» (1, t. 48, col. 726).

На этом торжестве, которое связует Небо и землю, присутствуют все в вере почившие прежде отцы наши: отцы, праотцы, патриархи, пророки, проповедники, благовестники, мученики, исповедники, воздержники. Для Златоуста «это приношение — то же есть, кто бы ни принес, Павел или Петр. Оно одно и то же, которое Христос дал Своим ученикам и которое ныне священники совершают» (1, t. 62, col. 612). В конечном итоге это означает, что каждое Евхаристическое собрание является истинным сослужением со всеми святыми. Поэтому только вместе с Пресвятой Пречистой и со всеми святыми мы можем «предать всю нашу жизнь Христу Богу» (из ектении), только со всеми святыми мы можем возблагодарить Отца нашего Небесного. Евхаристия — это общение человека с Троичным Богом, которое осуществляется в общении святых.

С другой стороны, поминовение святых в момент страшного священнодействия имеет и тот смысл, что мы, грешные, почитаем их. Ибо хотя они и мученики, и великомученики, но великая честь называться так в присутствии Владыки, при совершении той смерти, страшной Жертвы, неизреченных Таинств... Ибо когда воспевают победную песнь царям, тогда прославляются и те, кто участвовал в победе. Так и здесь само время победных песнопений (1, t. 60, col. 170).

Вместе со святыми на этом Соборе присутствуют и все почившие отцы и братья наши, все дорогие нам лица. Однако, если общение с нами мучеников при совершении Божественной Евхаристии свидетель-

ствует о победе Богочеловека над диаволом и грехом, поминовение дорогих нам лиц имеет в виду ходатайство для них Божественной милости. Ибо «не напрасно установлено апостолами поминать на Страшных Таинствах отшедших (почивших), потому что знали они, сколь это им (почившим) во благо и весьма полезно. Ибо когда весь народ стоит, простирая руки, полнота священная, и предлежит страшная жертва, как не сжалиться нам о них, умоляя Бога?» (1, t. 62, col. 204).

Веруя, что мы оказываем значительную помощь почившим, молясь о них за Божественной Евхаристией, поскольку приношение за них «совершается повелением Духа», мы должны непрестанно «возносить за них молитвы, ибо предлежит общее очищение вселенной. Поэтому, дерзая (молиться) о вселенной, молимся тогда и вместе с мучениками просим о них, с исповедниками, священниками, ибо все мы — одно Тело» (1, t. 61, col. 361).

Наконец, тварь (все творение), которая вместе с человеком подчинилась «суете», за Божественной Евхаристией [предвкушает] «освобождение от рабства тлению в свободу славы чад Божиих» (Рим. 8, 20). И она присутствует здесь в хлебе и вине, в фиоине и теплой воде, через Божественную Евхаристию освящается и делается «во Христе новой тварью» (2 Кор. 5, 17).

Таким образом во время Евхаристии мы имеем собор всего мира. Все творение и все святые, все живые и усопшие собираются вместе, и «место вокруг престола наполняется в честь Возлежащего» (1, t. 48, col. 601). Ангелы и люди, Небо и земля славословят общего Отца и Творца. Это радостное предстояние стало возможным благодаря во-человечению Слова Божия, потому что если до него лишь Ангелы имели возможность восхвалять Бога, то благодаря Ему Господь «собрал воедино рассеянных чад Божиих» (Ин. 11, 52) и, «разрушив средостенные вражды» (Еф. 2, 14), осуществил мир наш, умиротворив и соединив разъединенное.

Пораженный этой величественной действительностью, святитель Иоанн Златоуст восклицает: «О, дары Христовы! В вышних славословят воинства Ангелов, здесь в церквах предстоящие люди подражают им в этом славословии. Там Серафимы воспевают Трисвятую песнь, здесь множество людей возносит то же. Составляется общее Небесных и земных торжество, одна Евхаристия, одно ликование и радостное предстояние. Ибо ее составило неизреченное снисхождение, ее составил Дух Святой, ее гармония звуков была составлена Отческим благоволением. Свыше она имеет стройность напевов и, Троицей, словно неким смычком (плектром) управляемая, издает приятную и блаженную мелодию, Ангельскую песнь, истинную симфонию» (1, t. 56, col. 97, 98; t. 63, col. 111).

Когда Дух Божий вводит человека в Царство Святой Троицы, тогда человек находится перед реальностью, которую плотские чувства воспринять и высказать не могут. Благоволение Отца, снисхождение Сына и сошествие Святого Духа создают это торжество Небесных и земных. Сама Святая Троица движет Церковью в Евхаристии и славословии, «словно плектром».

Итак, Небо и земля, Ангелы и люди, Великий Архиерей с Полнотой (Церкви) составляют одно Тело. Одно Тело, в котором хотя и разные члены, тем не менее нет разногласий между ними. «Ибо как каждый человек создан по образу Троичного Бога, так и Церковь как одно целое — образ Троичного Бога, воспроизводящий на земле таинство единства в разнообразии» (Tim. Ware, *The Orthodox Church* Baltimore, 1963, с. 244). Именно поэтому участие Полноты Церкви в совершении Евхаристического таинства является существенным элементом. Священнодействующий иерей становится посредником, который возносит

к Престолу благодати Евхаристию Полноты Церкви. Все, относящееся к Евхаристии, общее, ибо не он (священник) благодарит один, но весь народ. Ибо, прежде них сделав возглас, затем, после их согласия, что это совершается «достойно и праведно», начинает он тогда Евхаристию (1, t. 61, col. 527).

Совершение Божественной Евхаристии соединяет вкупе Небо и землю. Человек с Херувимами и Серафимами стоит у Престола Царя, сликовствует с Ангелами. «Ибо когда видишь Господа, пожертвого и лежащего, и священника, стоящего у Жертвы и молящегося, и всех тех, кто обагрён этой честною Кровью, неужели думаешь, что с людьми и на земле стоишь, а не сразу же к Небесам переносишься и всякое плотское помышление из души отметаешь, обнаженною душой и чистым умом созерцаешь Небесное?» (1, t. 48, col. 642).

Таково новое состояние мира — новая тварь. Творец и творение, Ангелы и люди, живые и усопшие составляют общее торжество. Одна Евхаристия, общая трапеза, один Владыка. Иисус Христос распялся, «чтобы чад Божиих рассеянных собрать воедино» (Ин. 11, 52). Это соединение увековечивается Таинством, которое возвещает смерть Господню, то есть Евхаристией. В момент совершения ее, посредством сошествия Святого Духа мирское пространство одухотворяется и превращается в пространство литургическое. Это претворение осуществляется крайним истощанием Слова, Которого «величие Небес не может вместить». И как Пресвятая Богородица была селением Невместимого, так же и Церковь силой Духа Святого является местом Боговместимым, местом Господа. Через Богородицу осуществилось «чудо, всех чудес новейшее, потому что Дева во утробе, неискусомужно зачавши, всё Содержащего не тесно вмести». В Церкви посредством Евхаристии это чудо повторяется, — Слово истощается, «совершенно бесстрастно в ней умаляясь», и «вселяется в тесное селение, не умаляясь» (святой Иоанн Дамаскин). Присутствие Господа, Его бесконечное снисхождение осуществляет святое собрание чад Божиих и всей вселенной. Однако это присутствие Владыки соделывает затем обратное действие — такое расширение, которое являет Церковь «ширшей Небес».

Это собрание во единое место всех и изведение Благодати из одного места на всякое составляет таинство литургического [претворения] пространства, где совершается таинство Христова силой Святого Духа. Нисходит Господь с Небес к человеку, и человек восходит на Небеса. Участвуя в этом общении, он разумеет, что нет ничего другого, чего бы можно было пожелать, так как он обладает всем. «Что может быть приятнее пребывания здесь? — спрашивает в духовном восторге святитель Иоанн Златоуст. — Ибо если бы потребовалось здесь провести день, что может быть почетнее, что надежнее? Здесь, где столько братьев, где Дух Святой, где Иисус посреди, где Отец Его? Какое ищешь еще собрание, какой другой совет, какой собор? Столько благ на Трапезе, в слушании, в благословениях, в молитвах, в общениях» (1, t. 51, col. 70).

Плоды Таинства

1. Воплощение во Христа причащающихся. Верующий, соучаствующий в Таинстве Божественной Евхаристии, причащается Тела и Крови Богочеловека и воплощается в Него. Эту веру нашей Церкви точно и полно выражает слово «Причащение» (с греч.: «кинония» — «общение»), которое применяется для наименования Таинства. Святое Таинство любви Божией — священное и Божественное Причастие, то есть общение и союз Бога с человеком. Это обожение человека. Святой Иоанн Златоуст, изъясняя послание к Коринфянам (1 Кор. 10, 16), спрашивает, по какой причине апостол предпочел выражение «кинония» термину «метохи» (участие, причастие). И дает ответ: «Он хотел показать нечто большее и многую связь. Ибо мы причащаемся не только

участием и восприятием, но и соединением. Как то Тело соединилось со Христом, так и мы с ним соединяемся через этот Хлеб» (1, t. 61, col. 200).

В Таинстве Евхаристии осуществляется союз человека со Христом, подобный союзу двух природ в Лице Христа. «Как, — говорит нам святой Иоанн Златоуст, — тело, то есть человеческая природа, соединилось со Словом Божиим, так и мы через Святой тот Хлеб соединяемся со Христом. И как в результате неслитного и нераздельного союза двух природ во Христе «на Земле явился» Богочеловек Искупитель, таким же образом и мы вследствие союза со Христом возрождаемся рождением свыше и становимся по благодати богочеловеками. После этого Божественного приобщения «мы и Христос становимся едино» (1, t. 63, col. 58).

Главным в этом преестественном союзе верующих с Господом является любовь Бога к человеку. Это — таинство, недоступное человеческому разуму. Непостижимая глубина этой Божественной любви постигается Златоустым отцом. Он пытается найти соответствующий пример в человеческих отношениях и заключает: «Кто скажет о могуществе Господа? Все слышанное сотворит славу Ему. Какой пастырь дает себя в пищу своим овцам? И что говорю: пастырь? Часто матери после скорбей отдают детей кормилицам, Он же и перед этим не остановился, но Сам питает нас Своей Кровью и через всё соединяет нас с Собой. Каждому из верующих отдает (букв.: «примешивает») Себя посредством Таинств, и тех, кого породил [Духом], питает Собою, а не отдает другому» (1, t. 58, col. 744).

Явление любви Божией в таинстве Божественной Евхаристии — это приобщение в Таинстве всему делу Божественного Домостроительства. Господь наш принимает зрак раба и покрывает Своей милостью удалившегося от Него человека, дабы избавить его от власти греха. И чтобы избавиться от тления и смерти, у человека нет иной возможности, кроме приобщения к Жизни. «Поскольку животворящей стала Плоть Спасителя, объединенная по природе с Жизнью, то есть с Богом Словом, то, когда мы вкушаем ее, мы имеем Жизнь в себе, соединяя и себя с Ней, как и она — с обитающим (букв.: «вселившимся») Словом» (1, t. 73, col. 577).

Господь соединяется с нами, становится нашей Пищей, чтобы стал совершенным союз между Ним и человеком и осуществилось таким образом возвращение человека к Жизни. Вот как понимает Златоуст слова Христа: «Ради тебя Я был оплеван, избит (букв., слав.: «заушен»), истощил славу [Свою], оставил Отца и к тебе, ненавидящему Меня и отвращающемуся от Меня и даже не желающему слышать Имени Моего, пришел. Я преследовал тебя и бежал за тобой, чтобы обладать тобой. Я соединил Тебя с Собой, сочетал с Собой. Вкушай Меня, сказал Я, пей Меня [Мою Кровь]. И в вышних тебя имею, и на земле соединяюсь с тобой. Не достаточно тебе, что начало твое. Я имею в вышних? Не утоляет Твое желание? — И Я на землю сошел. Я не просто смешаюсь с тобою, но сплетаюсь, бываю вкушаем, умаляюсь, чтобы было многое смешение, смесь и соединение. Ибо соединяемое стоит в своих пределах. Я же сочетаюсь с тобой. Не хочу, чтобы было что-то среднее, но хочу, чтобы было и то, и другое» (1, t. 62, col. 586).

Согласно словам Христа: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь, во Мне пребывает, и Я в нем» (Ин. 6, 56), участвуя в Божественной Евхаристии, мы соединяемся со Словом Божиим и становимся «сотелесными и единокровными Ему» (1, t. 33, col. 1097 A). Сотелесными называются два существа, которые соединены в одно тело. Это слово часто применялось святыми отцами для изображения тесного и онтологического единства Христа с верующими, которые причащаются Тела и Крови Его. «Не только Свою Божественную Ипостась Сын Божий по Своему неизреченному человеколюбию, соединил с нашей природой и,

взяв тело одушевленное и душу разумную, «явился на земле и обращался между людьми», но, о чудо, не составившее никакой чрезмерности: с самими человеческими ипостасями соединяется, каждый верующий смешивается [с Ним] причащением Святого Тела Его, и Он становится сотелесным нам и соделывает нас храмом всего Божества» (9, с. 449).

Святой Иоанн Златоуст особенно подчеркивает воплощение во Христа, считая его первым и главным следствием участия верующих в Таинстве. «Что это такое, что мы стали причастниками Христовыми? Мы приобщаемся Его, — говорит он, — Он и мы стали едино. И хотя Он — Глава, а мы — Тело, мы — сонаследники и сотелесные. Мы одно Тело от Плоти Его и от костей Его» (1, t. 63, col. 56). «Благодаря Святой Евхаристии мы, верующие, сочетаемся с Ним» (там же).

При объяснении слов Господа: «Хлеб, который Я дам, есть Плоть Моя» (Ин. 6, 51), святой отец говорит о цели, ради которой нам даны эти неизреченные Таинства: «Посему и необходимо знать о чуде Таинств: что, когда и почему дано, и какая польза от этого. Одним Телом мы становимся и членами, говорит Он, от Плоти и от костей Его (Еф. 5, 30). Посвященные пусть внимают этим словам. Дабы не только по любви мы стали этим, но и по самому делу соединились в эту плоть. Ибо благодаря Пище, которую Он нам даровал, осуществляется это, и Он желает нам показать любовь, которую питает к нам. Поэтому Он и смешал Себя с нами и дал нам Тело Свое, чтобы мы стали чем-то единым, как тело соединено с главой, ибо это признак сильно любящих. И, намекая на это, говорил Иов о своих слугах, к которым питал чрезмерную любовь настолько, что желал принести им свою плоть в жертву. Ибо те, проявляя большую свою любовь, говорили: «Кто бы нам дал насытиться от плоти его?» (Иов. 31, 31). Посему и Христос это сделал уже, возводя нас в большую дружбу и проявив к нам эту любовь, обещал не только желающим увидеть Его, но и осязать, и есть, и сочетаваться, и всякое желание исполнять» (1, t. 59, col. 260).

Святой Иоанн Златоуст, считая Небесною жизнью эту действительность, чувствует, что всё освящается ею: тело, дух, повседневные, обычные дела. Объясняя слова: «Целуйте друг друга целованием святым» (2 Кор. 13, 12), он отмечает: «Поскольку мы приобщаемся Тела и Крови Господа, мы — храм Христов; и мы любим преддверие храма и вход в него, друг друга любя (целуя)... И этими вратами и дверями вошел и входит к нам Христос, когда мы причащаемся. Участвуя в Таинствах, вы познаете сказанное. Ибо не так, как встретили наши уста, почитается приемлемое Тело Владычнее» (1, t. 61, col. 606—607).

Святитель скорбит, когда члены Христовы (причащающиеся) становятся «гробом нечистоты». При объяснении слов Господа к фарисеям: «Горе вам, потому что подобны гробам украшенным, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23, 27), — он говорит: «То, что те таковыми стали, не так страшно, хотя и ужасно, а вот то, что вы, сподобившиеся стать храмом Божиим, стали вдруг гробами... Такой смрад, такое убожество крайнее... Здесь, где Христос обитает, и Дух Святой действовал, и столько Таинств, — гроб. Какое убожество! Сколько скорбей и воздыханий, когда члены Христовы становятся гробом нечистоты!» (На Мф., 73).

Господь заверил нас, что пришел в мир, дабы верующие «Жизнь имели, и имели с избытком» (Ин. 10, 10). Этой обильной Жизнью является Он Сам, приносимый в Таинстве. «Искупитель отдал за жизнь всех Свое Тело и вселяет в нас снова через Себя Жизнь. Воплощением, Голгофской жертвой и повторением ее таинственным образом в Божественной Евхаристии мы становимся братьями Единородного и сонаследниками, и сотелесными и пребываем в Плоти Его и, как тело с главой, так же и мы соединяемся» (1, t. 60, col. 477).

Конечно, святой Иоанн Златоуст, говоря таким образом о плодах Таинства, не преминул подчеркнуть, что для достижения нашего воплощения во Христе необходимо подходить к Чаше Жизни с должным приготовлением. «Коснемся же, — говорит он, — края ризы Его, конечно, если захотим всего Его иметь. Ибо и Тело Его предлежит перед нами ныне, не одна риза, но и Тело, чтобы не только прикоснуться, но и есть, и облачиться. Будем же приступать с верой, каждый имея немощь. Ибо если, края ризы коснувшись, получили такую силу, то тем более — всего Его получив. Приступать с верой — не только брать подлежащее, но и с чистым сердцем прикасаться, так, словно подходя к Самому Христу» (1, t. 58, col. 507). Участвующий с таким душевным приготовлением в Божественном Причащении становится «храмом Христовым». Душа приобщающегося святее храма, «ибо она не золотом и серебром, но благодатью Духа блистает... и Отца Его и Утешителя утверждает в себе» (1, t. 47, col. 277—278).

Учреждение Церкви — Тела Христова. Через Символ веры мы исповедуем, что Церковь, к которой мы принадлежим, Единая и Соборная (Кафолическая). Этими словами Богоносные отцы первых Вселенских Соборов хотели выразить таинственное и онтологическое единство Церкви, то внутреннее единство, источником которого и первообразом является существующее во Святой Троице непостижимое единство Единосущных Лиц Божества. Источником этой Троической благодати является обновленная Боговоплощением неразрывная связь Сына и Слова Божия с верующими: «Я в них, и Ты во Мне, да будут совершены во едино». Посему и Бог стал Человеком и все это осуществил, чтобы нас собрать, собрать ближних и дальних (1, t. 57, col. 251).

Кафоличность Церкви — понятие не собирательное, не количественное, это — «новая тварь» (новое творение), которая образуется через верность Истине и присутствию Господа. «Где Иисус Христос, там и Кафолическая Церковь» (ВЕР, t. 2, 281). Таким образом, Церковь одна, потому что один Христос; она кафолическая, «чтобы научить всей Истине», потому что в ней существует весь Христос (Глава и Тело).

Присутствие Господа обновляет и собирает, то есть делает кафолическим. Понятие о «кафóлу» (греч.: «в общем, в целом», букв.: «согласно всему»), происходящее из философии Аристотеля, подразумевает нечто воплощенное и ставшее конкретным посредством отдельности (греч.: «каф'экастон», букв. «по каждому», «из каждого»). Так, каждая Поместная Церковь является конкретной формой и проявлением всей (кафóлу) Церкви, одной и той же кафолической Церковью, как удачно замечено (10, с. 106). Но и всякий смысл, всякое лицо или всякое состояние Церкви становятся кафолическими. Пространство растягивается в бесконечность, время — в вечность (Тело Христово разделило «не время и не пространство», наставление обращается во всю Истину (в полноту Церкви), святость — обожение, спасение — всякому человеку, грядущему в мир, и в то же время всему человечеству).

Богодухновенные авторы Нового Завета говорят о единстве Церкви, используя множество образов для выражения этого единства: Христос — Лоза, а мы ветви; Церковь — «дом духовный», «невеста Христова», «народ Божий», «Тело Христово». Из всех этих образов наиболее выразительным является образ Тела. Церковь — Тело Христово, «полнота Наполняющего всё во всем» (Еф. 1, 23). Главой Тела-Церкви является Христос, «содельавший из обоих одно и разрушивший стоящую посреди преграду... дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством Креста, убив вражду на нем» (Еф. 2, 14—16). Этот новый человек, созданный во Христе, находится в абсолютном единстве с Сотворившим его. Как глава не мыслится без тела, так и тело без главы. Более того —

связь между главой и телом — условие существования тела и главы. «Ибо никаким образом не разделяются глава и тело, потому что если бы разделились, то тело не было бы телом и глава не была бы главой» (1, t. 62, col. 26). Таким образом осуществляется непостижимое таинство Церкви: одно Тело, Главой которого является Богочеловек, а членами — общество верующих. Однако это недозведомое становится возможным благодаря воплощению Сына и Слова Божия. С того момента, как «Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин. 1, 14), мы — все едино, и друг во друге и во Христе, ибо Христос есть связь этого единства, будучи Бог и Человек» (1, t. 74, col. 560).

Глубину и сущность этого свышеестественного единства Тела — Церкви с Главой — Христом мы разумеем в некоторой мере, представляя создание и учреждение Церкви. Апостол Павел говорит, что Христос есть Второй и последний Адам. Это — Адам, «Который, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу» (Флп. 2, 6—7), но, движимый послушанием к Отцу и по любви к Своему творению, сходит с Неба и воплощается от Духа Святого и Марии Девы. Сошествием Сына и Слова Божия совершается Им неизреченное таинство Божественного Домостроительства. Святой Иоанн Златоуст, основываясь на том, что во время Распятия истекли из ребра Христова Кровь и вода, связывает рождение и создание Церкви с таинствами Крещения и Евхаристии. Символами этих Таинств являются вода и Кровь, которые истекли из Владычного ребра. «Ударил в ребро воин,— говорит он,— проткнул стену святого храма, и я нашел сокровище и получил богатство...» «Истекли из ребра вода и Кровь». Не проходи, возлюбленный, просто мимо Таинства. Ибо я хочу сказать и другое таинственное слово. Я сказал, что эта Кровь и эта вода являются символами Таинств. Из каждого из них Церковь рождается баней пакибытия и обновлением Духа Святого (Тит. 3, 5), Крещением и Таинствами. Символы же Крещения и Таинств — из ребра. Из ребра, следовательно, создал Христос Церковь, как из ребра Адамова создал Еву (8, с. 160—161).

Согласно святому Иоанну Златоусту, в определенный момент жизни Христа благодаря одному событию возникли два Таинства — Крещение и Евхаристия,— и этими Таинствами учредилась Его Церковь: «Таинство неизреченное совершилось, ибо истекали вода и Кровь. Не просто и не как обычно истекли эти источники, но так, что из обоих сих создана Церковь. И взирают [на это] посвященные, возрождаемые водой, а питаемые Кровию и Плотию. Здесь берут свое начало Таинства, чтобы ты, когда приступаешь к страшной Чаше, приступал, словно пьющий из самого ребра» (1, t. 59, col. 463).

Великие таинства Церкви и Божественная Евхаристия имеют общее начало. «Постоянно текущий Жизнеподательный и Светоносный Источник, совечная Отцу Творческая Сила» (молитва вечерни Пятидесятницы) проистекает из нетленного и пречистого ребра Его, Его Самого приносит Отцу, чтобы из Него родилась Церковь, чтобы через Него питалась Церковь, с благодарением, что сподобилась причаститься Небесных Даров. По этой причине Церковь — «кость от костей Господних и плоть от Плоти Его» (Быт. 2, 23). Поэтому именно в одном, более реальном и существенном смысле мы, верующие, и являемся членами Тела Христова.

Мысль святого Иоанна Златоуста помогает нам понять значение двух Таинств и их место в Церкви. На них и благодаря им зиждется Церковь. Вода и Кровь — символы Крещения и Евхаристии — составные элементы Церкви. И благодаря Крещению «вчерашние и прежние рабы греха и пребывавшие под властью дьявола и ведόμεе, словно пленники, приняты в чин сынов и, отложив бремя греха и облачившись в царскую одежду, они, почти как Он, сияют на Небесах» (4-е Огласительное слово). Облачаясь в царские одежды, мы облачаемся в Самого

Христа и благодатию Святого Духа поставляемся в чин чад Божиих. Через Крещение мы входим на Небеса и начинаем новую жизнь во Христе, в Царствии Его, то есть в Церкви.

Образующуюся таким образом связь укрепляет и развивает наше участие в «Царской Трапезе» (21). Оглашаемые являются еще чуждыми для Церкви, «ибо никогда они не были от Тела Христова и никогда не причащались Таинств, но всегда пребывали в отделении от стада духовного» (22). Однако крещенные уже и участвующие в царской Трапезе, они становятся «одним Телом Христовым и одной Плотию» (1, t. 58, col. 744).

Святые Тело и Кровь Искупителя, являемые в Евхаристии, в ней освящаемые и преподаваемые, орошают души причащающихся, освящают их и наставляют к единству в любви (1, t. 61, col. 203). Вся Божественная литургия через произносимое и совершаемое в ней имеет целью вести нас к этому живому единству с такими же людьми, как и мы, и с Богом. Это не случайно в ней и исполнено глубочайшего смысла — все это направлено к совершению таинства единства. Целование, например, совершаемое перед исповеданием нашей общей веры, приготавливает нас к существенному участию в таинстве Божественного Домостроительства: «Будем помнить, возлюбленные, об этих словах,— говорит Иоанн Златоуст,— и о лобзании святых, и страшном (слав. «страшный» — внушающий благоговение как к священному) целовании друг с другом. Ибо это сплетает наши помышления и всех объединяет в одно Тело, потому что все мы участвуем в одном Тэле. Соединим же себя в одно Тело, не телá соединяя друг с другом, но соединяя союзом любви дýши. Таким образом мы сможем со дерзновением насладиться предстоящей Трапезы» (1, t. 49, col. 382). Простой факт, каким является целование любви, совершаемое в Евхаристическом собрании, пременяется. Это целование любви приобщает к другой действительности и становится «страшным целованием». Страшной является Жертва, Трапеза, Чаша. Все является страшным и исполненным человеколюбия. Поэтому целование «делает то, чтобы все были одним Телом»,

Однако, если целование любви напоминает нам, что у ожидающих преломления Хлеба верующих дýши и сердца едины, это означает, что самое это литургическое собрание составляет явление на земле таинства Церкви как Тела Христова и причастия Святого Духа. «Когда Церковь собирается вместе на Евхаристию, пусть даже она состоит из двух-трех, она являет и изображает Тело Христово во всей полноте его. Два или три становятся «образом» и «таинством» Кафолической Церкви, не только живущих сегодня на земле, но и всех от века скончавшихся. Однако прежде всего двое или трое, собранные во Имя Господне, становятся «образом» и «таинством» Самого Христа. И именно поэтому они могут приобщиться, причаститься Тела и Крови Христа и, таким образом, жить жизнью, которой живет Плоть Христова.

Таким образом, мы подошли к основному вопросу нашей темы: таинственному и живому единству, которое сосредотачивает в Одном все Таинства Церкви, целью которых является переход (Пасха) человека и творения из этого мира в другую, «странную», действительность и совершение нового во Христе и Духе Святом творения. Святоотеческие творения глубоко раскрывают эту истину. Исходным пунктом являются слова апостола Павла «Один Хлеб, и мы многие одно Тело, ибо все причащаемся от одного Хлеба» (1 Кор. 10, 17). Святой Иоанн Златоуст дает глубокое, изъяснение этих слов: «Поскольку сказал он (апостол): «причащение Тела», а причащающийся отличается от того, кому причащается, то он и уничтожил это кажущееся небольшое различие. Ибо, сказав: «Причащение Тела», он хотел выразить нечто более близкое, поэтому и сказал, что один Хлеб, одно Тело мы многие. Ибо что я называю причащением? — говорит он.— Это — то, что мы то тело. Ибо что есть Хлеб?—

Тело Христово. Кем же становятся причащающиеся? — Телом Христовым. Не многими телами, но одним Телом. Ибо как хлеб объединяется из многих зерен, так что нигде не видно зерен, но все является одним, и не видно их различие в соединении, так и все мы соединяемся во Христе друг с другом. Ибо ты не от иного тела, и тот не от другого питается, но от одного и того же все, почему он и сказал: ибо «все [мы] причащаемся от единого Хлеба» (1, t. 61, col. 200).

Этот текст выразительно характеризует все воззрения Златоуста. Общее у Церкви и Евхаристии не только начало. Общим также является и источник, из которого они орошаются. Общим является и состав их, потому что Один Составляющий их. Хлеб, сходящий с Неба, становится «камнем живым, избранным Богом» (1 Пет. 2, 4), и мы, приобщающиеся Хлеба Жизни, соделываемся живыми камнями, из которых строится духовный дом — Церковь. Через сошествие Небесного Хлеба в Евхаристическом собрании само это собрание (Церковь), как и приносимые ей Честные Дары, возносятся ко Отцу и во Святом Духе претворяются в Тело Христово. Евхаристическим Таинством осуществляется единство Церкви. Поэтому верующие просят Господа: «Как преломление сие (хлеб) было рассеяно по горам и, собранное, стало одним, так да соберется Церковь Твоя от конец земли в Твое Царствие» (ВЕП, t. 2, с. 218).

Однако из этого единства, осуществленного в Церкви благодаря Божественной Евхаристии, проистекают определенные следствия. Причащающиеся этой Страшной Трапезы связуются между собой узами, которые выше плотских уз. «Эта Трапеза честнее рождственных или дружеских уз» (4, t. 60, col. 286). Как двое братьев по плоти обязаны своим родством тому, что родились от одной матери и вскормлены одним и тем же материнским молоком, так и двое крещенных рождены одной и той же Матерью и питаются одной и той же духовной Пищей. Скрепляемые Таинством узы между причащающимися очень многогранны. Мы не просто и неопределенно братья. Все является общим. «Мы приобщились,— говорит Златоустый отец,— трапезы духовной, приобщились и любви духовной... Многим помогла не только Трапеза, но и то, что весь город был в дружбе. А мы и город тот же имеем, и дом тот же, и Трапезу, и Путь, и Дверь, и Корень, и Жизнь, и Главу, и Пастыря того же, и Царя, и Учителя, и Судию, и Создателя, и Отца, и все у нас общее, и поэтому какого прощения заслуживаем, отделяясь друг от друга?!» (1, t. 57, col. 386). В этом дивном отрывке святой отец употребляет 14 существительных, чтобы показать Церковь и Приносимого в ней — Христа. Каждое из них — элемент союза верующих и создания Тела Христова. И в заключение он спрашивает, можем ли мы получить прощение в случае, если после всего этого разделяемся между собой (?).

К этой идее единства Тела Церкви часто возвращается святой Иоанн, особенно когда говорит о любви, которая должна пронизывать отношения верующих. «Устыдись,— говорит он,— Трапезы сей, которой мы причащаемся все, закланного нас ради Христа, Жертвы, на ней лежащей. Разбойники, приобщившись гостеприимства, дружбы, уже — не разбойники, с кем бы они ни общались, ведь трапеза изменяет нрав, и тех, которые были свирепее зверей, делает смиреннее овец. Мы же, приобщаясь этой Трапезы, этой Пищи, вооружаемся друг на друга! И как мы можем развязать эту войну?! Если бы ты подумал... что клеветешь на члена Христова, что плоть свою пожираешь... Он — брат твой, от этих скорбей тебя разрешил, член твой, приглашенный к той же Трапезе» (1, t. 60, col. 465). Использование примера с разбойниками имеет чисто дидактический характер. Если разбойники проявляют такое поведение в отношениях между собой, то тем более — участвующие в той же духовной трапезе. Рядом с нами брат. Любое зло, которое мы совершаем ему, отражается и на нас самих, поскольку оба мы принадлежим к тому же телу, Телу Христа.

Принимая во внимание эту истину, мы должны жить в Церкви так, словно она — наш отчий дом. Все находящиеся в ней — наши истинные братья. И как Христос, несмотря на то, что мы так удалились от Него, соединил нас в Себе, являя таким образом к нам Свою любовь, так и мы должны любить наших братьев по духу (1, t. 61, col. 201). Если же мы по нашей слабости удаляемся от этого идеального состояния, которое было бы действительностью, если бы мы с верой участвовали в этой страшной Трапезе, в таком случае мы должны оплакивать наши взаимные раздоры (1, t. 61, col. 528).

Другим результатом причащения верующих Тела и Крови Христовых и создания Тела Церкви является уничтожение неравенства между причащающимися. Таинство, таким образом, становится надежным путем и средством осуществления во Христе общения, в котором «нет иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского, ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28). Все живет и движется в духе (атмосфере) «новой твари».

Не мог не упомянуть святой Иоанн Златоуст этой истины, потому что воспринимал Божественную Евхаристию, Божественную литургию как путь и как место, посредством которого и в котором достигается единство Церкви. «И что говорю,— пишет он,— богатому и бедному та же Трапеза предлежит! И даже самим коронованным, носящим порфиру и власть во вселенной, и нищему, просящему милостыни, та же Трапеза предлежит... С тем же дерзновением и честью и царь, и нищий устремляются к получению и приобщению этих Божественных Таинств» (1, t. 52, col. 769). Таким образом, «все наслаждаясь этим равенством, возносим общую жертву, общее приношение, ибо ничем не больше тот этого, а этот того, но все в одной и той же чести, и единый глас на различных языках возносится к Творцу вселенной (1, t. 63, col. 487). При [строении] Вавилонской башни различие языков привело к смятению, смещению, катастрофе. В Пятидесятницу Церкви из различных языков «новое создается согласие». Вселенная вся — Церковь благодарит Творца, и каждое поместное евхаристическое собрание приносит словесную службу «о вселенной» (Литургия. Молитва анафоры). Через Божественную Евхаристию все мы объединяемся — пременяемся. «Каждый, принадлежа к Церкви, принадлежит всем, и все — каждому, потому что все мы — одно тело, одна душа, одно сердце» (Архимандрит Иустин Попович. Человек и Богочеловек, Афины, 1969, с. 180).

И связь между священником и любым верующим настолько реальна (осязаема) благодаря «спасительной жизни, связующей наши души»: «всё нам (священникам) и вам (мирским) равное, и те же сокровища благ. Я не с большим, а вы не с меньшим богатством участвуем в священной Трапезе, но каждый из нас одинаково причащен к ней. И если я первый, ничего в этом нет большего, потому что и среди детей старший первым тянет руку к пище, однако ничего больше не бывает, и всё нам поровну: спасительная и связующая наши души Жизнь с той же честью каждому подается. Не я от одного, а вы от другого, но все причащаемся от Одного и Того же» (1, t. 62, col. 492).

Принимая во внимание эту истину, можем понять, что Таинство Божественной Евхаристии — выражение единства Церкви. Литургическое евхаристическое собрание — это явление Церкви — Тела Христова. Это новое общение людей — Церковь питается и развивается через Тело и Кровь Искупителя. Это — Тело Христово, потому что Спаситель «воспринял плоть Церкви» (1, t. 52, col. 429) «и, придя к пристанищу ее и найдя ее оскверненной, пронзенной, обнаженной, обогрженной кровью, омыл, умастил, накормил, облачил в ризу, словно стала она другой. Сам сделавшись ей одеждой и взяв ее, возводит ее таким образом» (1, t. 55, col. 63) в Царство Небесное.

Залог Вечной Жизни. В Евхаристической беседе Господа, которую сохранил нам евангелист Иоанн, Христос открывает, какова воля Отца Небесного, Которому Он служит: «Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел Жизнь Вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 40). Однако человек после падения в грех утратил свое духовное зрение и все духовные чувства и не мог созерцать Сына — Слово Божие и твердо верить в Него. Чтобы человеку обрести вновь духовное бытие, Второе Лицо Единосущной и Нераздельной Троицы «стало Плотию и обитало с нами» (Ин. 1, 14). Ибо поскольку человеком вошел в мир грех, а грехом — смерть, то благоволил Единородный Сын Божий, сущий в лоне Отчем, рожденный от Жены, Святой Богородицы и Приснодевы Марии, бывший под законом, осудить грех во Плоти Своей, дабы умирающие в Адаме оживотворились в Самом Христе (молитва анафоры литургии святого Василия Великого). Христос осудил грех в Плоти Своей и восстановил человека в первозданной красоте. Началось Новое Творение.

То, что соделал Христос единожды в Плоти Своей, вкушает всякий верующий в Евхаристии. Посредством ее он воплощается в Искупителя, причащаясь Святого Тела Его. Это воплощение имеет следствием освящение человека. Очищаются ум и душа благодатью, преподаваемой Господом в Таинстве. Святой Иоанн Златоуст, говоря о множестве действий Крови Христовой, подчеркивает, между прочим, следующие: «Это спасение наших душ, ею омывается душа, ею украшается, опалается ею, она светлее огня соделывает ум наш, она светлее золота делает душу. Пролилась эта Кровь и соделала Небо проходимым» [для нас] (1, t. 59, col. 261). Этими Божественными Дарами совершается преображение, воссоздание истлевшего страстями образа Божия в падшем человеке. Все стремление верующего к духовной жизни состоит в следующем: совлечься ветхого Адама и облечься в Нового, Который, по существу, есть «древняя доброта» человека. В этом духовном подвиге Таинство — всеоружие Божие для верующего. Кровь Господня «соделывает нам светлым образ Царский». Кровь Спасителя, «орошая и питая души наши, не позволяет, чтобы она удалялась от благородства... и великую придает ей силу, прогоняет демонов и удаляет их от нас, призывает же Ангелов к нам и Владыку Ангелов (1, t. 59, col. 261). Приобщающиеся этой Крови стоят с Ангелами и Архангелами и Горними Силами, облачившись в самую Царскую одежду Христа, имея оружие духовное. Но я ничего большего не сказал, ибо они облечлись в Самого Царя» (1, t. 59, col. 262).

Дело возрождения и воссоздания человека Христос начал сокрушением диавола. Тот, кто, как лукавый змий, повлек первого Адама к падению и смерти, получает теперь Жертвой Нового Адама смертельную рану. «Спроси сего диавола и скажи: откуда ты имеешь рану неизлечимую? Почему не имеешь уже силы? Откуда уловлен ты? Кем был схвачен, когда убежал? И ничего другого, кроме Тела Распятого, не взял! Этим острие ее [смерти] сломлено. Глава его этим сокрушена. Начала и власти этим изобличены» (1, t. 61, col. 203).

На Кресте и Крестом побеждена держава диавола. В Евхаристии и благодаря ей мы усвоим эту победу. Мы уходим с Трапезы Господней, «огнедышащие... ставшие страшными диаволу» (1, t. 59, col. 260). Тело и Кровь Господни побеждают тирана и дают нам свободу. «Поэтому уповаю на Небеса, чтобы получить на них блага, бессмертную жизнь, Ангельский удел, беседу со Христом» (1, t. 61, col. 203).

Порабощение человека диаволом имело следствием смерть. Наше освобождение от диавола — условие Жизни и нетления.

Смерть, которая до Жертвы Господней была ужасной даже для самых жестоких тиранов, стала «смешной детям». Из чего делает такой

вывод святой отец? Из того, что произошло во время распятия Господа. «Ибо когда Он распят был, тогда мертвые воскресли. Тогда темница та рухнула и врата медные разрушились, и мертвые воскресли, и вратники ада все ужаснулись. Впрочем, если бы Он был одним из многих, должно было бы быть наоборот, должна была быть сильнее смерть, но этого не было, потому что Он не был одним из многих. Поэтому Он удержал Свою свободу и, словно люди, принявшие пищу, которую не могут терпеть, изрыгают вместе с ней и то, что съедено раньше, так и со смертью было: вместе с Телом, которое она не смогла взять, она выбросила и то, что имела внутри» (1, t. 61, col. 203).

Всякий раз, когда верующий присутствует на Трапезе Жизни, смерть побеждается для него. Таинство становится «врачевством бессмертия... противодействием смерти, дабы всегда была жизнь в Иисусе Христе» (ВЕП, t. 2, 268).

Вплотившийся Христос является хлебом Жизни, «сшедшим с Небес» (Ин. 6, 51). Если человек будет вкушать от этого хлеба, он «будет жить во век» (Ин. 6, 51). Таким образом, Божественная Евхаристия является «спасительным врачевством для наших ран и приобщает Царству Небесному» (1, t. 49, col. 361). Она всегда подается во оставление грехов и в Жизнь Вечную. Ибо «эта Трапеза — нерв души нашей, союз разума, дело дерзновения, упование, спасение, свет, жизнь. Отойдя вместе с этой Жертвой туда, мы в дерзновении многом вступаем в священное преддверие, словно огражденные неким золотым оружием» (1, t. 61, col. 205).

Чтобы стяжать Жизнь, человек должен присутствовать на Трапезе Жизни, где преподаются в пищу и питье Тело и Кровь Богочеловека. «Потому-то и дал Христос за Жизнь всех Свое Тело, снова дарует нам Жизнь, и, как я говорю, по силе. Ибо поскольку животворящее Слово Божие обитало с Плотию, Оно предуготовало ее к собственному благу, то есть Жизни, и всецело, по неизреченному смыслу союза соединившись с ней, явилось для нее животворящим, каковым по природе является Он сам. Поэтому и животворит причащающихся его Тело Христово». «Животворит поэтому Святое Тело Христово всех, в ком бы оно ни было, и ведет к нетлению, соединяясь с нашими телами. Ибо здесь мыслится не чье-либо тело, но по самой природе Жизни, имея в себе всю силу соединенного Слова, наполняющего Своей энергией, которой все животворится и сохраняется к бытию (1, t. 73, col. 565).

Христос, преподав Себя в пищу, дает нам истинную Жизнь (1, t. 59, col. 258). Делает нас снова благородными по происхождению. Это благородство происходит не только из того, что Искупитель, как второй Адам, осуществляет новое творение, но, главным образом, из превосходящего человеческого ум снисхождения: Небесный Царь дает Себя в пищу собирающимся вместе верующим. Таким образом, кровь и тело причащающихся облагораживаются, освящаются, и душа окрыляется надеждой, что Тот, Который таинственно и онтологически приносит Себя в настоящей жизни, тем более в будущей преподает Себя званым «на брачную вечерю Агнца» (1, t. 59, col. 261).

Однако участие верующих в Божественной Евхаристии — не только упование вечности. Даруемая ею Благодать плодоносит уже в настоящей жизни. Таким образом осуществляется дивное претворение земли в Небо для причащающегося с верой. «Если мы чистым сознанием участвуем в Трапезе, страшная Жертва соделывает нас орлами, чтобы взлететь к самому Небу» (1, t. 61, col. 203). Пища, которую приносит Господь, вводит нас в Жизнь и Свет райский в то время, как пища, принесенная дьяволом, осудила нас на [тьму] сени и проклятие смерти. Святое Таинство — «причина животворений», и отныне оно «соделывает Небо проходимым» (1, t. 55, col. 193; t. 57, col. 80; t. 59, col. 261).

Это возвращение наше на Небеса осуществляется воистину и действительно входом нашим на собрание Евхаристическое. «Землю делает Небом это Таинство. Открой врата Небесныя и взгляни, и даже не на Небо, но и Небо Небес, и тогда увидишь Глаголющего. Ибо там в наибольшей части предлежит то, что я тебе покажу. Ибо и во дворцах скромнее всего стены, и почетны даже не царские покои, но само тело царя, сидящего на престоле. Но тебе надлежит ныне знать это на земле. Ибо не Ангелов, не Архангелов, не Небеса Небес, но Самого Владыку их показываю тебе» (1, t. 61, col. 205).

Это преложение земли в Небо совершается во внутреннем мире с верою причащающегося страшных Таинств. Оглашенные после возрождения во Христе [Крещения] и причастия нетленного Таинства становятся согражданами Небесного, Горнего Иерусалима (8, с. 197). Крещенные и приобщившиеся [Таинства] становятся Ангелами земными. «Ибо после восшествия отсюда (от Крещения), сразу же идут к Трапезе страшной и вкушают множество благ, и Тела вкушают, и Кроби Владычней, и становятся храмом Духа, и как бы в Самого Христа облакаются, как некие земные Ангелы, отсюда видимые и блистающие в лучах солнца (8, с. 149).

Итак, Господь «не отступил, все творя, пока нас на Небо не возвел и не даровал нам будущее Свое Царство» (молитва анафоры — литургии святого Иоанна Златоуста). Здесь начало эсхатологии. Согласно Иоанну Златоусту, престол, на котором мы совершаем Божественную Евхаристию, — рай. И подобно тому, как в древнем первом раю был источник текущей воды, в новом раю имеется духовный источник — Божественная Евхаристия. «Действительно страшны Тайны Церкви, — говорит он, — действительно страшен жертвенник.

Из рая исходил источник, чувственные реки изливающий, от сей Трапезы — источник, источающий реки духовные. У этого источника посажены не бесплодные ивы, но деревья, достигающие Неба, всегда имеющие зрелый и неувядающий плод. Если кто воспламеняется, да приходит к сему источнику, и угасится огонь. Ибо он засуху утоляет и угашает все воспламеняющееся, не солнцем опалаемое, но раскаленными стрелами. Ибо он имеет начало свыше, и корень отсюда, почему и орошает» (1, t. 59, col. 261).

Объясняя в другом месте слова Господа «ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6, 57), святой Иоанн Златоуст говорит о Небесной Жизни, которую обретают причастившиеся Трапезы Господней. «О жизни здесь говорит, но не просто о жизни, и что Он говорит не просто о жизни, но о Жизни преславной и неизреченной по сравнению с этой, явствует из сего. Ты видишь, что речь не об этой жизни, а о той? Он же говорит [именно] следующее: *Ядущий Мою Плоть не погибнет смертью и не примет наказания*. И даже не об общем воскресении говорит Он. Ибо подобным образом все встанут, но об изрядном и преславном и составляющем награду» (1, t. 59, col. 263).

Когда Господь преподал Двенадцати это священное Таинство, Он заверил их: «Отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (Мф. 26, 29). Таким образом, исполнение всех пророчеств, «безконечная сладость» (из молитвы по Причащении) — это одновременно обетование сверхнеизреченного ожидания.

Мы, верующие, всякий раз, когда участвуем в вечере Господней, вспоминаем всё ради нас бывшее... и второе, и славное Пришествие Господне. Посредством Евхаристии приношение Господне, совершаемое на горнем Престоле, простирается харизматически и онтологически, соединяясь с днем пришествия Его, в бесконечное Его Царство.

Воспоминание и ожидание в Евхаристическом опыте соединяются воедино: чудо пришествия Богочеловека, Который сокрушает любые

узы. Он открывает нам путь, новый и живой, и, таким образом, каждый раз душой и телом вместе со всеми святыми мы «смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития, вечного, начало, и играюще поем Виновного» (тропарь 7-й песни канона Пасхи).

О ЕВХАРИСТИИ

Из отеческого предания

Старайтесь чаще собираться для Евхаристии и славословия Бога, ибо, если вы часто собираетесь вместе, то низлагаются силы сатаны, и единомыслием вашей веры разрушаются губительные его дела (12, с. 275).

Только та Евхаристия должна почитаться истинною, которая совершается епископом или тем, кому он сам предоставит это (12, с. 305).

Совершитель таинства есть Сам Господь. Священниковы только уста, произносящие освятительную молитву, и рука, благословляющая дары... Действующая же сила от Господа исходит (13, с. 103).

Не вознесшееся на небеса Тело Бога Слова, как сказал некто из святых, с небес сошедши приносится в жертву, но самый хлеб и самое вино предлагаются в Тело и Кровь Христовы, при совершении с верою, страхом, любовью и благоговением Божественного таинства удостоенными честного священства; в этом таинстве совершается сие пременение одного в другое, действием и наитием Всесвятого Духа. Какая же чистота и святость требуются от иерея, касающегося Божественного Тела, и какое дерзновение, когда он должен являться посредником между Богом и людьми, имея сомолитвенниками себе, с Пресвятою Богородицею, небесные Ангельские чины, и всех от века святых (14, т. 3, с. 398).

...Необходимо знать чудо Святых Таин, что они суть, для чего даны, и какая от них польза...

Святой Нил (пишет): «Невозможно иначе спастись верному, и оставление прегрешений получить и Царствия Небесного сподобиться, если со страхом и любовью не причащаемся оных Пречистых Таин...» Подобное сему пишет и святой Василий Великий в письме к благородной Кесарии: «Хорошо и преполезно каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христовы, потому что Сам Христос ясно говорит: «ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, имать Живот Вечный» (Ин. 6, 54). Ибо кто сомневается, что непрестанно быть причастником жизни не иное что значит, как жить множайше. Мы причащаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, в пяток и субботу, также и в иные дни, если бывает память какого святого.

Думаю, что в эти дни и литургисал святой сей, ибо всякий день не мог, будучи обременен столькими попечениями. И святой Аполлос сказал, что «монахи должны, если могут, приобщаться каждодневно Святых Таин, потому что кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога, а кто постоянно приобщается, тот всегда принимает в себя Спасителя...». В братстве преподобного Аполлоса всегда соблюдался такой порядок жизни... (14, т. 5, с. 415).

Для достижения цели, с которой приступаем к Божественному таинству Евхаристии, надлежит нам иметь некие особые расположения, совершать особые некие дела и употреблять особые некие меры — прежде Причащения, во время Причащения и после Причащения. Прежде Причащения надлежит чрез таинство Покаяния и Исповеди очистить себя от всякой скверны грехов как смертных, так и несмертных, и исполнить, что на исповеди наложит духовный отец, соединяя с ним твердую решимость от всего сердца, всюю душею, всюю силою и всем помышлением служить Единому Господу Иисусу Христу и делать

одно, Ему благоугодное. Так как он в сем таинстве дает нам Тело Свое и Свою Кровь, с душою и Божеством и всею силою воплощенного домостроительства, то, помышляя о том, как ничтожно даемое нами Ему сравнительно с тем, что Он нам даст, положим в сердце, по крайней мере, все для нас возможное всеусердно делать во славу Его, и если б нам пришлось овладеть самым высшим даром, какой когда-либо приносили Ему земные и небесные разумные твари, изъясним готовность принести то без размышления Его Божественному Величию (15, с. 213—217).

Таинство сие как между таинствами есть самое высшее, так и в числе орудий духовных есть самое сильное и врагопоразительное. Четыре орудия (ненадеяние на себя, надежда непоколебимая на Бога, противостояние греху и борьба с ним, и молитва) получают силу свою от благодатных сил и даров, стяжанных нам Кровию Христовою; таинство сие есть самая Кровь Христова и самое Тело Христово, с присутствием Самого Христа Бога. Теми четырьмя орудиями боремся с врагами мы силою Христовою; в сем же Христос Господь поражает врагов наших нами или вместе с нами. Ибо кто вкушает Тело Христово и пьет Кровь Его, тот со Христом пребывает и Христос с ним, как Он Сам сказал: «Ядый Мою Плоть и пийяй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем» (Ин. 6, 56) (15, с. 212).

С каким намерением должно есть Тело и пить Кровь Господню? В воспоминание Господня послушания даже до смерти, чтобы живущие жили уже не для себя, но для Умершего за них и Воскресшего (16, т. 3, с. 332).

✓ Возлюбивший Прекрасное, сам будет прекрасен, потому что благодать Пребывающего в нем в Себе претворяет принявшего его. Посему всегда Сушый предлагает нам Себя в снедь, чтобы мы, приняв Его в себя, соделались тем же, что Он. Ибо говорит: «Плоть Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво» (Ин. 6, 55). Посему, кто любит сию Плоть, тот не бывает другом своей собственной плоти, и кто с любовью расположен к сей Крови, тот соделается чистым от Крови чувственной. Ибо Плоть Слова и Кровь, какая в этой плоти, имеют в себе не один какой-либо благодатный дар, но сладостны для вкушающих, желательны для вожделевающих, достолюбезны для любящих (17, ч. 2, с. 341).

Христиане пищу для себя имеют оный Небесный Огонь; он для них упокоение, он очищает и омывает, и освещает сердце их, он приводит их в возрастание, он для них воздух и жизнь (18, с. 107).

В час приношения (Бескровной жертвы) сопротивляйся помыслам твоим и чувствам твоим, чтобы стоять со страхом Божиим и достойно причаститься Святых Таин и через сие получить от Господа исцеление (19, с. 18—19).

Если хочешь причаститься Тела Христова, то блюдись, чтобы не было в сердце твоём гнева или ненависти против кого (19, с. 205).

Когда пойдешь причаститься Таин приношения, охраняй всячески помысл свой, да не причастишься в суд себе (14, т. 1, с. 295). ...Мы не должны устраниваться от причащения Господня из-за того, что знаем себя грешниками; но еще более и более с жаждою надобно поспешать к нему для уврачевания души и очищения духа, однакож с таким смиренном духом и верою, чтобы, считая себя недостойными принятия такой благодати, мы желали больше врачевства для наших ран. А иначе и в год однажды нельзя достойно принимать Причащение, как некоторые делают, которые, живя в монастырях, достоинство, освящение и благотворность небесных таинств оценивают так, что думают, что принимать их должны только святые, непорочные; а лучше бы думать, что эти таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они подлинно больше гордости высказывают, не-

жели смирения, как им кажется, потому что когда принимают их, то считают себя достойными принятия их. А гораздо правильнее было бы, чтобы мы принимали с тем смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Святым Таин, в каждый Господский день принимали их для уврачевания наших недугов, нежели превознесшись суетным убеждением сердца, верить, что мы после годичного срока бываем достойны принятия их (20, с. 605).

Когда мы, недостойные, сподобимся со страхом и трепетом причаститься Божественных и Пречистых Таин Христа Бога и Царя нашего, тогда наиболее покажем трезвения, хранения ума и строгого внимания, да огонь сей Божественный, т. е. Тело Господа нашего Иисуса Христа, потребит грехи наши, и наши малые и большие скверны. Ибо, входя в нас, он тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и отпускает нам прежде бывшие грехи: и ум наш тогда оставляется свободным от беспокойной докучливости лукавых помыслов. Если после этого, стоя у дверей сердца, будем тщательно сохранять ум свой, то, когда опять будем сподобляться святых Таин, Божественное Тело более и более будет просвещать ум наш и делать его блестящим, подобно звезде (14, т. 2, с. 187).

Мужи и жены, богатые и бедные, старцы и юноши, со тщанием притекайте к Божественной литургии, принеся Господу от трудов рук своих на благословение дому и всем в доме и стойте с великим страхом и трепетом, ни с кем не разговаривая, проливая слезы, вздыхая, молясь, от всего сердца взывая, прося, чтобы не оказался кто недостойным прияти Божественных Таин (21, ч. 3, с. 23).

Готовящихся отсюда перейти в Жизнь Вечную, если они причастятся Таин с чистою совестью, при последнем дыхании окружают ангелы и препровождают их отсюда ради принятых ими Таин (22, т. 1, с. 471).

Не одно и то же поститься прежде или после: должно быть воздержным и в то, и в другое время, но особенно после принятия Жениха; прежде для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после для того, чтобы не оказаться недостойным полученных Даров. Неужели же, скажешь, должно поститься после причащения? Я не говорю этого, я не принуждаю; хорошо, разумеется, делать и так, однако ж и не насилую, а лишь увещаю не предаваться безмерному пресыщению.

Не в том состоит дерзость, что часто приступают, но в том, что (приступают) недостойно, хотя бы даже кто-либо один раз во всю жизнь сделал это (22, т. 11, с. 656).

Кого нам одобрить? Тех ли, которые причащаются однажды, или тех, которые часто, или тех, которые редко? Ни тех, ни других, ни третьих, но причащающихся с чистой совестью, с чистым сердцем, с безукоризненною жизнью (22, т. 12, с. 153).

Падающие и не осмеливающиеся приступать к священным Тайнам, благосознательны и скоро могут достигнуть того, чтобы не грешить. А согрешающие и осмеливающиеся нечистыми руками касаться Пречистых Таин... достойны тьмочисленных наказаний. Ибо, по неложному слову Павлову, делают они себя повинными «Телу и Крови Господни» (1 Кор. 11, 27).

Молящийся получить Насущный Хлеб, конечно, не весь приемлет его, как он есть сам в себе Хлеб, но как может приять приемлющий. Всем просящим дает Себя — Хлеб Животный (Ин. 6, 35), как Человеколюбивый, не всем однакож поровну; но соделавшим великие дела правды больше, а тем, кои скудны такими делами, меньше: каждому сколько может приять достоинство (или благонастроение) его ума (14, т. 3, с. 242).

Ужасаться [должно] гласа нереева, который возглашает: «Святая святым». Ибо в это время вся Церковь полна бывает святых Ангелов,

и Сам Царь Сил, таинственно священнодействовав, и хлеб и вино претворив в Свое Тело и Кровь, через святое Причащение вселяется в сердца наши. Почему надлежит нам лишь непорочно и чисто, и как бы вне плоти бывая, без всякого сомнения и колебания дерзать на святое Причастие пречистых Христовых Таин, чтоб сделаться причастными бывающего от них просвещения (14, т. 3, с. 375).

Как некогда Иуда предатель, приняв хлеб от Христа недостойно, съел его как часть обыкновенного хлеба и потому сатана вошел в него тотчас и бесстыдным предателем Христа Учителя (своего) сделал, воспользовавшись им, как слугою и рабом, и исполнителем своей воли, так случается в неведении и с теми, которые недостойно, дерзко и самонадеянно прикасаются к Божественным Тайнам (23, с. 230).

Ту самую пренепорочную Плоть, которую принял Господь от Пречистой Марии Богородицы и в коей от Нее родился, преподает нам в таинстве, и вкушая ее мы имеем внутри себя, разумеется, каждый достойно причащающийся, всего воплощенного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Девы, Пренепорочныя Марии, сидящего одесную Бога и Отца, по Слову Его же Самого: «Ядый Мою Плоть и пийй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем» (Ин. 6, 56). Вселяясь же в нас, Он не познается сущим в нас телесно, яко плод чрева, как был в Пресвятой Деве, но есть бестелесно в нас, и соединяется с существом и естеством нашим неизреченно, и нас обоготворяет, так как мы соделываемся сотелесниками Ему, бывая плоть от плоти Его и от костей Его (24, слово 45, с. 396).

Кто вкушает Тело Сына Божия и пьет Кровь Его, тот, если не знает чувством и опытом душевным, что в Боге пребывает, а Бог в нем, поистине еще не причащался достойно Пречистых Таин. Ибо как возможно тому, кто соединился с Богом, не знать о том, хотя бы был он и не совсем чувствительного сердца? Так же, если вкушающий Тело и пьющий Кровь Христову имеет Живот Вечный и на суд не идет, но пришел от смерти в Живот, то явно, что кто не сознает, что имеет в себе Живот Вечный, и прешел от смерти в живот, — так же, как иной знает, что из темного дома перешел в светлый и блестящий, — такой не познал еще таинства домостроительства Божия и не вкусил Жизни Вечной (28, слово 87, с. 450).

Если испытаны быв в трудах добродетелей и предочищены слезами, приступая вкушаем от хлеба сего и от чаши сей пием, то сугубое Слово, с двумя естествами нашими, в кротости нашей срастворяется, всецело претворяя нас в Себя (14, т. 5, с. 141).

Многие наперед вождедевают получить от святого Причастия то и то, а потом не видя того, смущаются и даже в вере в силу таинства колеблются. А вина не в таинстве, а в этих излишних догадках. Ничего себе не обещайте, а все предоставьте Господу, прося у Него одной милости — укрепить вас на всякое добро в угодность Ему (25, с. 153—154).

Попекись затем день ото дня все более и более преизбыточествовать верою в силу сего Пресвятого таинства Евхаристии, и не преставай изумляться сему дивному таинству, помышляя, как Бог под видом хлеба и вина являет тебе Себя и существонно бывает в тебе, чтобы содевать тебя наиболее святым, преподобным и блаженным.

Ибо «блаженны не видящие и веровавшие» (Ин. 20, 29). И не желай в сей жизни, чтобы Бог явил Себя тебе под другим каким видом, кроме сего таинства. Старайся возгревать в себе теплое желание сего таинства и каждодневно преуспевай в ревностной готовности творить одну волю Божию и в духовной мудрости ее делать царицею и правительницею всех дел твоих и духовных, и душевных, и телесных. Всякий раз, как причащаешься, причащаясь сей Жертвы Бескровной, и себя самого принеси в жертву Богу, то есть изъявляй полную готовность,

по любви ко Господу, за нас пожершемся, терпеть всякую напасть, всякую скорбь и всякую напраслину, какие могут встретиться в течение жизни твоей (15, с. 225).

...Служитель Божий, хотя борется еще со страстями, но уже причащается достойно Тела и Крови Христовых, когда причащается их в сокрушении духа и в полном сознании своего недостойнства (26, т. 4, с. 133).

Одна у нас должна быть скорбь — та, что мы не приобщаемся этой Пищи. Действия этого Таинства совершаются не человеческою силою. Тот, Кто совершил их тогда, на той Вечери, и ныне совершает их. Мы занимаем место служителей, а освящает и претворяет Дары Сам Христос. Да не будет здесь ни одного Иуды, ни одного сребролюбца. Если кто не ученик Христов, то пусть удалится; Трапеза не допускает тех, которые не таковы. «С учениками Моими, — говорит Христос, — совершу пасху» (Мф. 26, 18). Это та же самая Трапеза, которую предлагал Христос, и ничем не менее той (22, т. 7, с. 828).

Верование, что усопшие, не только святые, но и все остальные, поминаемые молящимися на земле, соприсутствуют им, служит оправданием возможности совершения Литургии одним священнослужителем (27, с. 41).

Придя в святой храм для принятия Тела и Крови Христовых и принимая оные, внимай себе, чтобы несомненно веровать истине сего (таинства). А как сие бывает, не любопытствуй, по сказанному: *приммите, ядите, сие есть Тело Мое и Кровь*. Господь дал нам их *во оставление грехов* (Мф. 26, 26; Мк. 14, 22). Надеемся, что кто верует, так тот не осудится, а кто не верует, уже осужден. Итак, не воспрещай себе приступать, осуждая себя, как грешного, но признавай, что грешник, приступающий к Спасителю, удостоивается отпущения грехов (28, с. 460).

Итак, Бога ради, имейте желание приобщаться Святых Таин... Тело и Кровь Христовы для достойных есть истинное врачевство от всех недугов и болезней. А кто из нас совершенно здоров? и кто не хочет получить исцеление и облегчение? Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа есть пища на пути в Царствие Небесное. Но можно ли в дальний и трудный путь идти без пищи? Тело и Кровь Иисуса Христа есть видимая Святыня, преданная и оставленная нам Самим Иисусом Христом для освящения нашего. Но кто не захочет быть участником такой Святыни и освятиться? Итак, не обленитесь приступать к Чаше Жизни, Бессмертия, Любви и Святыни; но приступайте со страхом Божиим и верою. А кто не хочет и не радит об этом, тот не любит Иисуса Христа, тот не получит Духа Святаго и, следовательно, он не войдет в Царствие Небесное (33, с. 37).

ИСТОЧНИКИ

1. *Migne, Patrologia Graeca, Paris.*
2. *Климент Александрийский, Строматы. Βιβλιοθήκη Ἑλληνῶν Πατέρων Ἐκδοσις Ἀποστολικῆς Διακονίας (Далее: ВЕП) Ἀθῆναι, 1955 εἶ, t. 8.*
3. *Святитель Киприан Карфагенский. Письма, 63,4.*
4. *Священномученик Игнатий Богоносец. Послание к Филладельфийцам. ВЕП, t. 2.*
5. *М. Сиотис. Божественная Евхаристия. Θεσσαλονίκη, 1957.*
6. *К. Муратидис. Сущность и законы жизни Церкви по учению святого Иоанна Златоуста. Ἀθῆναι, 1958.*
7. *Ботте В. Епиклезис Анафоры Ипполита. В «Rech. de Théologie Anc. et Médievale» (14), 1947, p. 248.*
8. *Sources Chrétiennes, t. 50, Paris, 1941.*
9. *Григорий Палама. В защиту священнобезмолвствующих, 1, 3. Изд. «Χρήστου», t. 1, с. 449.*
10. *И. Зизиулас. Единство Церкви в Божественной Евхаристии и в епископе первых трех столетий. Афины, 1965.*
11. *Шмеман А. Введение в Литургию (наша Литургия). Афины, 1963, с. 79.*

12. Писания мужей апостольских (В переводе на русский язык священника Петра Преображенского). СПб., 1895.
 13. Собрание писем епископа Феофана Затворника, вып. 1—8. М., 1898—1901.
 14. Добротолубие, Тт. 1—5. СПб., 1895—1913.
 15. Невидимая брань блаженной памяти старца Никодима Святогорца. М., 1912.
 16. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, чч. 1—7. М., Сергиев Посад, 1891—1892.
 17. Творения иже во святых отца нашего Григория, епископа Нисского. М., 1861—1872.
 18. Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. Изд. 4. Сергиев Посад, 1904.
 19. Преподобный Авва Исаия. Духовно-нравственные слова. М., 1905.
 20. Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. Пер. с лат. М., 1892.
 21. Творения преподобного Ефрема Сирина. М., 1848—1852.
 22. Творения иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константина града Златоустого, тт. 1—12. СПб., 1895—1906.
 23. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.
 24. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. М., 1890.
 25. Епископ Феофан Затворник. Письма о духовной жизни. М., 1903.
 26. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Тт. 1—5. СПб., 1905.
 27. Епископ Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших по уставу Православной Церкви. «Вестник русского западноевропейского Экзархата, 1970, № 69.
 28. Вопросы и ответы преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. М., 1883.
 29. Святитель Иннокентий, митрополит Московский. Указание пути в Царствие Небесное. М., 1903.
-